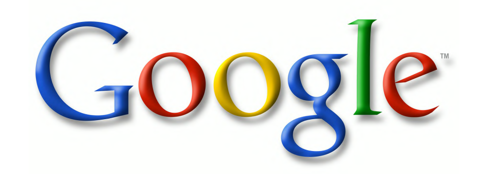



891.78
K450
V33
A 866,346


THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

РУССКОЕ МІРОСОЗЕРЦАНІЕ

I.

Алексѣй Степановичъ
ХОМЯКОВЪ.

Къ столѣтію со дня его рожденія

1804 1 мая 1904.

Съ изображеніемъ А. С. Хомякова.

Аѳ. ВАСИЛЬЕВА.



ПЕТРОГРАДЪ.
Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., 13.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 апрѣля 1904 года.

Vasil'ev, Afanasii Vasil'evich

РУССКОЕ МІРОСОЗЕРЦАНІЕ

I.

Алексѣй Степановичъ ХОМЯКОВЪ.

Къ столѣтію со дня его рожденія

1804 1 мая 1904.

Съ изображеніемъ А. С. Хомякова.

Аѳ. ВАСИЛЬЕВА.



ПЕТРОГРАДЪ.
Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., 13.
1904.

[illegible]ля 1[illegible] года.



А. С. Хомяковъ.

1804—1904 гг.

Въ ряду лицъ, доблестно потрудившихся для просвѣтлѣнія замутившейся русской общественной совѣсти и мысли и для возстановленія въ русской жизни заглушенныхъ и подавленныхъ всякаго рода туземными терніями и наносными плевелами ея исконныхъ творческихъ началъ,—первое, если не по времени, то по значенію, мѣсто принадлежитъ Хомякову.

Хомяковъ, это — самый сильный умомъ и духомъ, самый просвѣщенный и, что важнѣе всего, самый цѣльный русскій человѣкъ, какого только дала намъ новая послѣпетровская Россія. Т. е., конечно, не то я хочу сказать, что Хомяковъ есть плодъ произведенныхъ въ русской жизни Петромъ перемѣнъ, но — то, что могучему, идущему изъ допетровской старины и народныхъ глубинъ, духу Хомякова удалось сквозь созданныя этими перемѣнами мертвящія условія пробиться и процвѣсти.

Хомяковъ далъ твердое обоснованіе истинно народному русскому, основанному на Христіанствѣ, міропониманію, которое, сдѣлавшись общимъ достояніемъ всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, могло бы обновить весь міръ, облагодѣтельствовать все человѣчество.

И вотъ, если только не погибнетъ, по грѣхамъ и неправдамъ отцовъ нашихъ и нашимъ, не дозрѣвъ и осыпавшись на корню, благодатный на Руси сѣвъ Божій, то за обильную жатву, за тѣ святые плоды, какіе соберетъ съ народной нашей пажити грядущее человѣчество, оно будетъ благодарно славить Хомякова, ибо онъ, подобно древнему Моисею, извлекъ изъ тайныхъ глубинъ народнаго духа на изсушенную поверхность нашей мысленной нивы ключъ воды живой и оживилъ имъ погибавшіе сѣмена и всходы.

Но вотъ прошло уже сто лѣтъ со дня рожденія Хомякова и уже сорокъ четыре года какъ онъ умеръ, а между

тѣмъ оставленное имъ русскому обществу богатѣйшее духовное наслѣдство почти вовсе не использовано и не оцѣнено по достоинству.

Мало того, очень многіе, вѣрнѣе же будетъ сказать, большинство считающихъ себя образованными русскихъ людей судятъ о Хомяковѣ и о славянофильствѣ совершенно ошибочно, будучи часто вовсе не знакомо съ трудами самихъ основоположниковъ славянофильства и основываясь исключительно на несправедливыхъ и пристрастныхъ отзывахъ о немъ его противниковъ.

Начиная съ современныхъ Хомякову западниковъ—Бѣлинскаго и Грановскаго, и кончая западниками нашихъ дней, какъ Милюковъ,—всѣ они въ своихъ сужденіяхъ о славянофилахъ обнаруживаютъ предубѣжденность и нежеланіе ихъ понять и даютъ совершенно неправильное истолкованіе славянофильству. Но особенно удивительно и прискорбно то, что къ сонму лжесвидѣтелей о славянофильствѣ примкнулъ и Владиміръ Соловьевъ, сложившійся духовно, несомнѣнно, подъ славянофильскимъ же вліяніемъ, напоенный его духомъ, и именно отъ Хомякова воспринявшій все то, что въ немъ самомъ (т. е. въ Соловьевѣ-то) было существеннаго и цѣннаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ приведены наиболѣе ходячія обвиненія противъ славянофильства и данъ будетъ отвѣтъ на нихъ словами самого Хомякова. Теперь же вмѣсто того, чтобы оспаривать противниковъ, будетъ несравненно полезнѣе возможно ближе познакомиться съ самимъ Хомяковымъ, съ его ученіемъ.

Для этой цѣли, конечно, лучше всего—читать труды самого Хомякова. Третье, самое полное, изданіе ихъ, въ восьми томахъ, напечатано въ 1900 г., подъ наблюденіемъ и съ примѣчаніями сына его Димитрія Алексѣевича. Затѣмъ есть небольшой трудъ Валерія Лясковскаго о Хомяковѣ, вышедшій въ 1897 г., и, наконецъ, въ 1902 году вышли двѣ книги I-го тома сочиненія кіевскаго ученаго В. З. Завитневича „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ",—объемомъ болѣе 1400 страницъ. За ними должны выйти третья книга I-го тома и затѣмъ II-й томъ. Изслѣдованіе Завитневича, — это первый, единственный пока, еще далеко неоконченный, опытъ полнаго и упорядоченнаго разсмотрѣнія и оцѣнки трудовъ Хомякова.

Въ первомъ томѣ этого труда дается общій обзоръ жизни и дѣятельности Хомякова, насколько Хомяковъ успѣлъ бонаружить себя въ своемъ творчествѣ и въ жизни; во второмъ томѣ В. З. Завитневичъ обѣщаетъ изобразить Хомякова такимъ, какимъ онъ былъ самъ для себя въ глубинѣ своего внутренняго самосознанія, т. е. — изобразить философско-богословское міровоззрѣніе Хомякова, восполненнымъ и съ надлежащею оцѣнкой.

Пожелаемъ г. Завитневичу скорѣйшаго и возможно полнаго осуществленія предпринятой имъ необходимѣйшей для проясненія русскаго общественнаго самосознанія работы. Но у многихъ ли русскихъ людей найдется достаточно охоты, досуга и средствъ для того, чтобы раздобыть и прочитать обширное изслѣдованіе В. З. Завитневича о Хомяковѣ или сочиненія самого Хомякова? А между тѣмъ, каждому грамотному русскому человѣку необходимо не только узнать, но и полюбить этого воистину великаго нашего русскаго человѣка и учителя—Алексѣя Степановича Хомякова.

Сознаніе этой необходимости побудило насъ выступить съ чтеніями о Хомяковѣ, напечатанными во Всемірномъ Вѣстникѣ и въ Русскомъ Вѣстникѣ и теперь отдѣльнымъ изданіемъ.

* * *

Хомяковъ родился и воспитанъ въ православной, русской, богатой, хорошо образованной помѣщичьей семьѣ, жившей обыкновенно зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ въ одной изъ своихъ деревень въ Тульской, Смоленской и Рязанской губерніяхъ. Такимъ образомъ дѣтство и юность Хомякова прошли въ коренной Россіи. „Воспитанный въ религіозной семьѣ и въ особенности набожною матерью“,—говоритъ Хомяковъ о себѣ, — „я былъ пріученъ всѣмъ сердцемъ участвовать въ этой чудной молитвѣ церковной (о соединеніи церквей). Когда я былъ еще очень молодъ, почти ребенкомъ, мое воображеніе часто воспламенялось надеждою увидѣть весь міръ христіанскій соединеннымъ подъ однимъ знаменемъ истины“.

А вотъ какъ изобразилъ онъ намъ свою мать, Марью Алексѣевну, урожденную Кирѣевскую:

„Она была хорошій и благородный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе разумѣется) представители

этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоотверженной. Была какая-то привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которыя, конечно, не совсѣмъ принадлежали тому вѣку; но она имѣла отличительныя черты его: вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ. Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ".

Подъ такимъ воздѣйствіемъ сложился нравственно и духовно Хомяковъ.

Домъ Хомяковыхъ былъ полонъ слѣдами русской старины. Близость къ народу, которую Хомяковъ съ дѣтства привыкъ въ себѣ чувствовать, укрѣплялась въ немъ самою крѣпкою изъ связей, связью вѣры и церковнаго общенія. (Ляск.).

Кстати сказать, село Богучарово, гдѣ всего чаще проводилъ лѣто Хомяковъ, вѣдь это, по былинамъ,—родина Ильи Муромца, любимѣйшаго и славнѣйшаго изъ нашихъ чудныхъ народныхъ богатырей, на котораго былъ такъ похожъ по духовному своему складу Хомяковъ.

Шестилѣтній Хомяковъ во время наполеоновскаго нашествія жилъ въ Рязанской губерніи, въ селѣ Кругломъ, въ сосѣдствѣ съ дочерью Кутузова.

„Проводя большую часть своей дѣтской жизни среди московскихъ святынь, мальчикъ не могъ не проникнуться настоящимъ старорусскимъ духомъ. и когда онъ изъ своего рязанскаго убѣжища узналъ, что Москва, которую онъ такъ любилъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнилъ, принесена въ жертву за спасеніе Россіи, могъ-ли ребенокъ Хомяковъ, если не умомъ, то живымъ пониманіемъ сердца не уразумѣть того, что творилось вокругъ него?" (В. Ляск.).

Такъ воспитывалось въ Хомяковѣ живое чувство любви къ родной странѣ, къ родному народу.

Въ 1815 г. одиннадцатилѣтній Хомяковъ на переѣздѣ изъ смоленскаго имѣнія Липицъ въ Петербургъ встрѣчаетъ на постоялыхъ дворахъ лубочныя изображенія сербскаго народнаго освободителя—Георгія Чернаго и говоритъ своему старшему брату Ѳеодору, что онъ станетъ бунтовать славянъ. Такимъ

образомъ чувство любви къ родинѣ освѣщается и расширяется въ одиннадцатилѣтнемъ мальчикѣ сознаніемъ общеславянскаго племенного родства и святости народной борьбы за свободу. Тутъ опять воспитывается его духъ жаждою новаго подвига, жаждою принять участіе въ освободительной борьбѣ. И это не было въ немъ мимолетнымъ порывомъ. На 17 году своего возраста Хомяковъ пытался бѣжать къ возставшимъ грекамъ, и къ этому—1821 году относится первое, по времени, стихотвореніе, изъ помѣщенныхъ въ послѣднемъ собраніи его сочиненій. Это—*Посланіе къ Веневитиновымъ*.

Вотъ выдержка изъ этого перваго стихотворенія Хомякова:

Въ то время, какъ въ другихъ странахъ свобода народная ограждена законами,—

„Лишь Греція одна стонала подъ ярмомъ.
Столѣтья протекли. Объяты тяжкимъ сномъ.
Въ ней слава, мужество, геройскій духъ молчали,
И, мнилося, они на вѣки чужды стали
Своей странѣ родной, странѣ великихъ дѣлъ,
Странѣ, гдѣ нѣкогда свободы гимнъ гремѣлъ,
Въ долинахъ, на холмахъ, въ ущельяхъ горъ высокихъ.
Пришлецъ съ Алтайскихъ горъ, сынъ дебрей и степей,
Обременилъ ее безславіемъ цѣпей.
Тиранства алчнаго ненасытимый геній
Разрушилъ чудеса минувшихъ поколѣній.
И злато, и труды голодной нищеты,
И сила юности, и прелесть красоты—
Все было добычей владыкъ иноплеменныхъ.
Но небо тронулось мольбами угнетенныхъ,
И Греція, свой сонъ сотрясши вѣковой,
Возникла, какъ гигантъ, могущею главой.
О, други! Какъ мой духъ пылаетъ бранной славой:
Я сердцемъ и душой среди войны кровавой!
Свирѣпыхъ варваровъ непримиримый врагъ,
Я мыслью съ Греками, сражаюсь въ ихъ рядахъ...
О, еслибъ гласъ Царя призвалъ насъ въ грозный бой!
О, еслибъ онъ велѣлъ, чтобъ Русскій мечъ стальной,
Спасатель слабыхъ царствъ, надежда, страхъ вселенной,
Отмстилъ за горести Эллады угнетенной!..“

Впослѣдствіи исполнилось желаніе юноши Хомякова. Въ 1828 и 29 г.г. онъ участвовалъ въ русской войнѣ съ Турками, проявилъ въ этой войнѣ блестящую храбрость и, конечно, на мѣстѣ познакомился съ южнымъ порабощеннымъ славянствомъ. Еще ранѣе, въ 1826 году онъ объѣхалъ земли западныхъ славянъ.

Къ 15—17 лѣтнему возрасту Хомякова относится неоконченная поэма „Вадимъ". 15-лѣтній Хомяковъ перевелъ Тацитову „Германію" и оду Горація „Parens deorum cultor et infrequens", прославляющую божественное всемогущество. Названные первые труды и опыты творчества показываютъ, на какіе предметы направлена была мысль молодого Хомякова.

Въ 1821 г. Хомяковъ выдержалъ въ Московскомъ Университетѣ испытаніе на степень кандидата математическихъ наукъ.

Въ это время около него собрался кружокъ молодыхъ друзей: Веневитиновыхъ, В. С. Кирѣевскаго, Кошелева, Муханова. Кружокъ прилежно занимался нѣмецкой философіей, послѣдователями которой и сторонниками западнаго просвѣщенія были всѣ эти его друзья. „Но Хомяковъ не уступалъ имъ своего строгоправославнаго и русскаго образа мыслей". Нѣсколько позднѣе Хомяковъ познакомился и сдружился съ Петромъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ,—человѣкомъ его склада мыслей. Хомяковъ очень его любилъ и называлъ „Великимъ печальникомъ за Русскую землю" (В. Ляск.).

Еще позднѣе, въ началѣ 40-хъ годовъ Хомяковъ сблизился и сталъ руководителемъ Константина Сергѣевича Аксакова и Юрія Ѳеодоровича Самарина. Вотъ какъ изображаетъ ихъ взаимныя отношенія и характеры. Иванъ Серг. Аксаковъ въ предисловіи къ печатавшимся въ 1879 г. въ „Русскомъ Архивѣ" письмамъ А. С. Хомякова къ Самарину, вошедшимъ теперь въ VIII т. соч. Хомякова.

„Въ 1839 г. Аксаковъ и Самаринъ (оба кандидаты Московскаго Университета), до того времени почти незнакомые другъ съ другомъ, согласились готовиться вмѣстѣ къ испытанію на магистра. Дружно и горячо принялись они за работу: вмѣстѣ читали Гегеля (преимущественно „Логику"), вмѣстѣ же прочли всѣ памятники русской словесности, древней и позднѣйшей, до половины XVIII вѣка, изучили лѣто-

писи, старинные грамоты и акты. Оба горячо любили Россію, для обоихъ православіе было семейнымъ преданіемъ и достояніемъ, и оба же были жаркими почитателями германскаго философскаго мышленія и литературы. Но когда предъ молодымъ, пытливымъ умомъ, изощреннымъ искреннею любовью, раскрылся цѣлый новый, своеобразный, невѣдомый имъ дотолѣ, міръ русскаго народнаго духа и жизни со своими еще не изслѣдованными тайниками, они съ увлеченіемъ, съ восторженною радостью привѣтствовали его, будто обѣтованную землю. Они, казалось (да и дѣйствительно), обрѣли, наконецъ, почву для безпочвенной, блуждавшей дотолѣ русской мысли; они нашли, или думали, что нашли полное оправданіе своимъ „непосредственнымъ" сочувствіямъ. Но полнымъ для приверженцевъ Гегелева діалектическаго процесса могло быть только философское оправданіе; а потому Гегель же и послужилъ на то, чтобъ объяснить, санкціонировать обрѣтенную ими новую истину, доказать ея всемірно-историческое значеніе. Быстро, на первыхъ же порахъ, была сдѣлана попытка построить на началахъ же Гегеля цѣлое міросозерцаніе, цѣлую систему своего рода „феноменологіи" русскаго народнаго духа, съ его исторіей, бытовыми явленіями и даже православіемъ. Эта попытка, собственно относительно русской исторіи, выразилась отчасти и въ магистерской диссертаціи К. С. Аксакова о Ломоносовѣ, дописанной имъ въ 1844 году. Самаринъ же выбралъ себѣ предметомъ диссертаціи Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, какъ проповѣдниковъ.

„Блистательно сдавъ экзаменъ въ февралѣ 1840 года, оба магистранта, оба друга, ставши почти не разлучными, явились въ московскомъ обществѣ смѣлыми и рьяными провозвѣстниками новаго ученія. Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что въ этомъ товариществѣ мысли и пропаганды, творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповѣди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болѣе поэтъ (не въ смыслѣ только стихописанія), и строгій, логическій выводъ, даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ. Добываемое анализомъ, изученіемъ, всецѣло овладѣвало всѣмъ его существомъ, являлось въ немъ уже синтезомъ; его убѣ-

жденія не оставались при немъ, но проникали всѣ изгибы его нравственнаго бытія, переходили немедленно въ жизнь, въ дѣло, или, при ограниченности поприща для „дѣла“, въ неустанную повсюдную проповѣдь: все это съ такою полнотою искренности, съ такою внутреннею силою, для которой никакія уступки, никакія сдѣлки съ дѣйствительностью, ни даже соображенія съ условіями современности, не были возможны. Шумно огласились московскія литературныя гостинныя необычайными для нихъ пылкими его рѣчами, и хотя онъ скоро прослылъ за „чудака“, „фанатика“, человѣка „съ крайностями“ и идеалиста (послѣднее, конечно, не безъ основанія), однакоже дѣйствіе его рѣчей было тѣмъ сильнѣе, что рядомъ съ нимъ появлялся всюду, какъ человѣкъ съ нимъ вполнѣ единомышленный Ю. Ѳ. Самаринъ, спокойный, воздержный, во всеоружіи свѣтскихъ приличій и самообладанія, чей блестящій и саркастическій умъ хорошо былъ извѣстенъ московскому обществу.

„Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину недоставало творчества и почина, то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логику не могли подкупить никакія сочувствія и влеченія. Онъ не только ничего не принималъ на вѣру, но, въ противоположность своему другу, былъ исполненъ недовѣрія къ самому себѣ и подвергалъ себя постоянно аналитической провѣркѣ. К. С. былъ рожденъ ораторомъ и говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода: подобнаго ему въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ Россіи, не было другого и едва ли скоро будетъ.

„Тѣмъ не менѣе, сблизясь съ К. С. Аксаковымъ, когда ему, т. е. Самарину, было только 20 лѣтъ, онъ былъ увлеченъ своимъ старшимъ другомъ, болѣе его надѣленнымъ творческимъ талантомъ, художественностью и силою чувства,

и года два находился, какъ говорится, подъ вліяніемъ послѣдняго. Затѣмъ, ставъ зрѣлѣе, натура Самарина, съ прирожденною ей трезвостью ума, предъявила свои права; между ними (какъ видно изъ ихъ переписки, и къ крайнему огорченію К. С—ча), возникли не несогласія, но споры, свидѣтельствовавшіе, что Самаринъ не удовлетворялся для себя умственнымъ процессомъ своего друга и выходилъ на самостоятельный путь внутренняго развитія.

„Въ обществѣ, въ которомъ они появились вмѣстѣ въ 1840 г., встрѣтили они Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но и удивительнымъ гармоническимъ сочетаніемъ противоположностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга; напротивъ, въ безусловной, живой полнотѣ своихъ правъ, безъ борьбы и противорѣчія, но свободно и вполнѣ примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной вѣры спускаться въ самыя глубочайшія глубины скепсиса, и выносилъ оттуда свою вѣру во всей ея цѣльности и ясной, свободной, какой-то дѣтской простотѣ. Онъ презиралъ вѣру робкую, почіющую на бездѣйствіи мысли и опасающуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобъ этотъ анализъ былъ доводимъ до конца. Когда и какъ совершился въ немъ этотъ духовный и умственный процессъ, рѣшительно неизвѣстно: въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда его другъ Кирѣевскій еще издавалъ „Европейца", міросозерцаніе Хомякова было, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, положительно тоже, что и въ 1860 г., въ годъ его смерти. Всегда общительный, неутомимый посѣтитель всѣхъ интеллигентныхъ сборищъ, онъ, однако, не былъ проповѣдникомъ и, строго говоря, до встрѣчи съ Самаринымъ и К. С. Аксаковымъ, въ своемъ образѣ мыслей оставался почти одинокимъ. Онъ никогда никому не навязывалъ „вѣры", и никогда не выставлялъ ее въ себѣ напоказъ, какъ ни била она въ немъ жизненнымъ ключомъ, а занимался въ обществѣ діалектическими спорами: то съ отрицающими вѣру раціоналистами, то съ псевдовѣрующими и

съ изувѣрствующими, обличая первыхъ путемъ логики и анализа въ несостоятельности раціонализма, а вторыхъ, въ несостоятельности ихъ основаній вѣры, въ ихъ внутреннемъ противорѣчіи. Отъ этого у многихъ онъ прослылъ человѣкомъ не только безъ вѣры, но и безъ всякихъ убѣжденій.

„Встрѣча съ Самаринымъ и съ К. С. Аксаковымъ была и для Хомякова полна плодотворныхъ послѣдствій. Молодые люди отважно вступили въ бой съ этимъ атлетомъ діалектики, какъ называлъ его Герценъ. Года два слишкомъ продолжались споры, все тѣснѣе и крѣпче, но постепенно сближая противниковъ. Впрочемъ, споръ шелъ не о значеніи народности вообще и русской по преимуществу, не о духовной сущности и отличіяхъ Русскаго народа отъ Западной Европы и пр., и пр., а по преимуществу объ отношеніи философіи къ религіи и о православіи, оправдываемомъ или выводимомъ молодыми людьми изъ началъ Гегеля. Философскія оправданія, на которыхъ они было успокоились, оказались несостоятельными. Хомяковъ раскрылъ имъ свое ученіе о Церкви, расширилъ ихъ собственную точку зрѣнія, исправилъ и поставилъ построенную ими теорію на новыя основы. „Я съ вами болѣе согласенъ, чѣмъ вы сами", часто говаривалъ Хомяковъ К. С. Аксакову. Въ послѣднемъ, впрочемъ, это освобожденіе отъ оковъ Гегеля произошло безъ особенной борьбы: Гегель какъ бы потонулъ въ его любви къ Русскому народу. Самъ онъ, подъ однимъ своимъ стихотвореніемъ „Къ идеѣ", посвященнымъ Ю. Ѳ. Самарину и писаннымъ въ 1842 году съ эпиграфомъ: „Es exestirt Nichts als Idee" лѣтъ черезъ 10 сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Въ это время увлекала меня Германская философія, нисколько не заслоняя земскаго дѣла, которому въ служеніе хотѣлъ я принести философію и которому принесъ ее потомъ въ жертву. Жертва была законна. Выраженіе будетъ вѣрнѣе, если я скажу, что живой голосъ народный освободилъ меня отъ отвлеченности философской. Благодареніе ему".

„Иначе, разумѣется, долженъ былъ произойти этотъ переворотъ въ Самаринѣ. „Голосъ народный" не могъ заглушить въ немъ совѣсть мыслителя. Долгія ночи проводилъ онъ уже не въ спорахъ, а въ бесѣдахъ вдвоемъ съ Хомяковымъ, домогаясь отвѣта мучительнымъ вопросамъ, вызваннымъ но-

вою работою мысли и тѣмъ внутреннимъ раздвоеніемъ, о которомъ и свидѣтельствуетъ первое его письмо. Это же письмо свидѣтельствуетъ о близости, которая установилась между 40-лѣтнимъ Хомяковымъ и его молодыми друзьями. Нѣкоторые изъ старыхъ его пріятелей полушутливо, полусерьезно упрекали его въ измѣнѣ, даже въ томъ, что онъ „льститъ молодому поколѣнію"... Этотъ союзъ духовный, душевный, умственный и нравственный, скоро огласился во всемъ тогда интеллигентномъ и литературномъ мірѣ, какъ особый „толкъ" или сектанство, пріобрѣлъ немало молодыхъ приверженцевъ, привлекъ и много старыхъ друзей, при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ и несогласіи въ нѣкоторыхъ частностяхъ, къ единству общаго направленія, къ общей работѣ русскаго народнаго самосознанія, однимъ словомъ, положилъ основаніе „славянофильству". Это прозвище, данное въ насмѣшку петербургскою литературою, которымъ обзывали во время оно приверженцевъ Шишкова и князя Шихматова, мало по малу утвердилось и, по общему признанію, уже заняло мѣсто въ исторіи русскаго общества, какъ почетное наименованіе".

Щедро одаренный всѣми духовными силами отъ природы, между прочимъ и необыкновенной памятью, и составивъ себѣ въ ней огромный запасъ свѣдѣній по всѣмъ областямъ человѣческихъ знаній, Хомяковъ въ совершенствѣ владѣлъ сократическимъ методомъ, т. е. умѣньемъ вести споръ и приводить своихъ противниковъ къ сознанію ошибочности защищаемыхъ ими положеній.

„Боецъ безъ устали и отдыха", Хомяковъ, по словамъ Герцена, „билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя".

Такимъ былъ по душевному своему складу А. С. Хомяковъ.

Самаринъ говоритъ о Хомяковѣ:

„Живые умы и воспріимчивыя души выносили изъ сближенія съ Хомяковымъ то убѣжденіе или, положимъ, то ощущеніе, что истина живая и животворящая никогда не раскрывается передъ простою любознательностью, но всегда дается въ мѣру запроса совѣсти, ищущей вразумленія, и что въ этомъ случаѣ для умственнаго постиженія требуется под-

вигъ воли, что нѣтъ такой истины научной, которая бы не согласовалась или не должна была окончательно совпадать съ истиною повѣданною; что нѣтъ такого чувства или стремленія въ нравственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной потребности, какого бы рода она ни была, отъ которыхъ бы мы должны были отказаться, вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ лонѣ Церкви; словомъ, что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно что даже иначе, какъ честно, добросовѣстно и свободно, и нельзя вѣрить".

Скончавшись 20 сентября 1860 года, Хомяковъ оставилъ по себѣ семь-восемь десятковъ небольшихъ стихотвореній, небольшія журнальныя статьи, которыхъ въ послѣднемъ изданіи его трудовъ набралось три тома, въ томъ числѣ одинъ съ богословскими статьями, томъ писемъ, и еще такъ называемую „Семирамиду", т. е. записки о всемірной исторіи—трудъ неупорядоченный, незаконченный, которому Хомяковъ не успѣлъ дать даже и заголовка.

Наслѣдство по внѣшности и объему небольшое. Но вѣдь Сократъ и Христосъ вовсе ничего писаннаго ими самими по себѣ не оставили, и, однако, Сократъ справедливо почитается величайшимъ изъ учителей языческой древности, а ученіемъ Христа напоена вселенная.

Значеніе жизненнаго подвига и вліяніе на послѣдующее человѣчество такихъ людей, какъ Хомяковъ, опредѣляются не по количеству оставленной ими послѣ себя печатной бумаги.

Каждое изъ небольшихъ твореній Хомякова свѣтитъ уму и сердцу имѣющихъ очи, чтобы видѣть, небесною глубиной и немерцающимъ свѣтомъ яркихъ мысленныхъ звѣздъ.

Теперь, прежде, чѣмъ перейти къ послѣдовательному и связному изложенію міросозерцанія Хомякова и взглядовъ его на разные стороны жизни и вопросы человѣческаго духа, ознакомимся по нѣкоторымъ изъ его стихотвореній съ общимъ его настроеніемъ, съ предметами къ которымъ преимущественно устремлялась его мысль, и съ тѣмъ основнымъ источникомъ, изъ котораго черпалъ Хомяковъ свое вдохновеніе.

Звѣзды.

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

*
* *

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь: звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись—другія всходятъ;
Вновь вглядись, и тамъ, вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

1853.

Сказанное въ этомъ стихотвореніи о *Писаніи* можетъ быть отнесено отчасти и къ писаніямъ самого Хомякова, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ чистыхъ водъ, отразилось *Небо*.

Вотъ другое его стихотвореніе тоже, такъ сказать, исповѣднаго или молитвеннаго содержанія:

По прочтеніи псалма.

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судитъ міру:
„Израиль, Мой народъ, внимай!
Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.
Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!
Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины;
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.
Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:
Мнѣ нужно *сердце* чище злата
И *воля крѣпкая* въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ *братъ, любящій брата,*
Нужна мнѣ правда на судѣ!..."

1858.

ногіе изъ крупныхъ писателей отожествляли свое на-
ніе, назначеніе писателя съ пророческимъ. Всѣмъ из-
ы пушкинское и лермонтовское стихотворенія Пророкъ;
ногіе ли знаютъ соотвѣтствующее имъ, хотя и не но-
е такого же названія, стихотвореніе Хомякова, если и
іающее тѣмъ двумъ въ образности, то отнюдь не въ
и искренности чувства:

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!
Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!
Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!
Молилъ Тебя въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!
Молилъ тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой!

1854.

Къ этому же виду стихотворенiй, въ которыхъ Хомякъ говоритъ о своемъ собственномъ призванiи, относится

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!
Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!
Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.
Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же рабъ лѣнивый Бога.
Господь велитъ иди, иди!
Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся-жъ, пахарь надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!"—
Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!
Иду свершать въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

1858.

Закончимъ этотъ рядъ молитвенныхъ стихотворенiй Хомякова стихотворенiемъ *Воскресенiе Лазаря,* которое настолько хорошо, настолько церковно, что могло бы, по нашему мнѣнiю, войти въ кругъ церковныхъ пѣснопѣнiй, какъ тропарь этому празднику.

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,—
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.
Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „встань!“ душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей;
И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ
Тебѣ—сiянью Отчей славы,
Тебѣ—распятому за насъ!

1853.

А вотъ другой рядъ стихотворенiй, въ которыхъ Хомяковъ обращается уже не къ самому себѣ, но къ *Россiи,* говоритъ не о своемъ только призванiи, но о призванiи, а вмѣстѣ и объ уклоненiяхъ отъ этого призванiя, о грѣхахъ родной страны, роднаго народа. Эти стихотворенiя, расширяя наше знакомство съ внутреннимъ мiромъ Хомякова, показывая намъ къ чему рвалась и о чемъ постоянно болѣла его душа,—пусть будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтомъ и обороною славянофильства отъ взводимыхъ на него его недругами и хулителями обвиненiй и поклеповъ.

Говорятъ, будто бы Хомяковъ и его послѣдователи, отдавая преимущество православному Востоку и въ частности нашей православной Россіи предъ Западомъ, закрываютъ глаза на непригляднуюнашу русскую дѣйствительность, невѣрно, въ розовомъ свѣтѣ, представляютъ себѣ и другимъ современное и прошлое Россіи. Не понимаютъ тѣ, кто упрекаетъ въ этомъ славянофиловъ, что славянофилы дорого цѣнятъ лишь тѣ исконныя творческія начала, которыя нѣкогда признавались въ Россіи ея правительствомъ и народомъ, по которымъ нѣкогда строилась русская жизнь, которыя и теперь еще хранитъ, но уже почти безсознательно и безотчетно въ глубинѣ сердца своего нашъ народъ, и которыя Россія, въ ея образованной верховодящей части, должна будетъ, наконецъ, опознать и вывести на Божій свѣтъ и явить всему міру—не только въ творчествѣ мысли, но и въ жизни: въ своемъ законодательствѣ, въ учрежденіяхъ, обычаяхъ и нравахъ, — что и будетъ! Будетъ — если только не отымется отъ насъ „мысли ясной благодать“ и мы не измѣнимъ окончательно своему народу и не промѣняемъ благодатнаго его призванія на какую-нибудь чечевичную похлебку

А что касается русской дѣйствительности, то о современной ему Россіи Хомяковъ говоритъ:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О недостойная избранья,
Ты избрана. Скорѣй омой
Себя слезами покаянья;
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Сказалъ ли кто нибудь другой болѣе сильное обличительное слово о современной ему Россіи?

А вотъ другое стихотвореніе Хомякова, въ которомъ онъ судитъ всю русскую жизнь въ ея прошломъ отъ Гостомысла и вплоть до нашихъ дней:

Не говорите: „то былое,
То старина, то грѣхъ отцевъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ“.
Нѣтъ, этотъ грѣхъ—онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ вашихъ жилахъ и въ крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той година,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны.
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новградъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя святоубіцы,
За разоренный Новградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его-жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ,—
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!

И, обуявъ въ чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!
За все, за всякія страданья,
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды роднаго края,—
Предъ Богомъ благости и силъ
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

1846.

Это ли похвальба? Это ли прикрашиваніе всего сво
только потому, что оно свое, въ его настоящемъ и пр
ломъ?

Далѣе славянофиловъ и Хомякова противники ихъ вин
въ „шовинизмѣ", какъ обыкли теперь говорить, или, го
проще по русски—въ воинственномъ задорѣ, въ похвал
грубою вещественною, ну—военною что ли—силою и
странствомъ своей страны. Выслушаемъ опять Хомяк
Вотъ другое обращеніе его къ Россіи:

„Гордись!" тебѣ льстецы сказали:
„Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
„Земля несокрушимой стали,
„Полміра взявшая мечомъ!
„Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
„И прихотей твоихъ раба
„Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
„Тебѣ покорная судьба.
„Красны степей твоихъ уборы,
„И горы въ небо уперлись,
„И какъ моря твои озеры..."
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,

И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? И гдѣ Монголы?
И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ.
Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!
И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,

Начала славы и чудесъ!..
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и, всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный
Прозрачный Вышняго покровъ!

1839.

Не только отъ гордости вещественною силою, но гордости духа предостерегаетъ свой народъ Хомяков поползновенія, отъ котораго не свободны многіе е въ самомъ народѣ, то верхнихъ его слояхъ,—считат народомъ избраннымъ и величаться своимъ избранничес будучи въ сущности мало его достойными:

„Мы—родъ избранный“, говорили
Сіона дѣти въ старину:
„Намъ Божьи громы осушили
„Морей волнистыхъ глубину“.
„Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
„Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
„И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
„Въ пустыняхъ намъ казали путь“.
„Намъ камень лилъ воды потоки,
„Дождили манной небеса;
„Для насъ законъ, у насъ пророки;
„Въ насъ Божьей силы чудеса!“
Не терпитъ Богъ людской гордыни;
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„Мы соль земли, мы столбъ святыни,
„Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!“

Не съ тѣми Онъ, кто звуки Слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живого,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.
Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.
Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.
Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

1851.

Призваніе какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлаго народа не есть что либо окончательно и безповоротно предопредѣленное. Даны благодатныя дары духа, даны вещественныя силы и возможность для осуществленія человѣкомъ или народомъ ихъ высокаго на землѣ назначенія; но люди и народы не влекутся къ выполненію своего назначенія силою. Имъ оставлена свобода, и они могутъ злоупотребить ею, могутъ проспать свое назначеніе, расточить и размотать, какъ блудный сынъ, свое духовное богатство, и вотъ великій историческій народъ можетъ оскудѣть духомъ, великая міровая держава можетъ обратиться, по выраженію Хомякова, въ „историческій свищъ", или въ гробъ повапленный. Для выполненія народомъ призванія своего требуется покаянное обновленіе духа, смиренная чистота сердца и воля, крѣпкая въ трудѣ, направляемая любовью. Только такой, просвѣтленной духомъ, *Раскаявшейся Россіи* дастся выполнить ея высокое призваніе:

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,

Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.
О Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!
Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

1854.

Но предостерегая Россію отъ слѣпой гордости, Хомяковъ въ тоже время молился о ней: „не дай ей рабскаго смиренья!“

И упрекъ въ излишней покорливости, въ угодливости власти, какъ и кому бы-то ни было, также мало идетъ къ славянофиламъ, какъ и обвиненіе ихъ въ самовосхваленіи, народной исключительности и гордости.

Сознаніе грѣховности русской жизни, призывъ къ покаянію совмѣщались въ Хомяковѣ съ крѣпкою вѣрою въ будущее ея обновленіе, въ грядущее торжество правды и свободы.

Въ самую тяжелую при жизни Хомякова пору—въ 1849 году, когда, говоря словами другого писателя, у насъ „въ испугѣ замолчало все то, что сердцемъ и умомъ искало

ıчнаго начала въ наукѣ, въ жизни и во всемъ,"—Хомяко-
ıмъ написано знаменитое его стихотвореніе

Навуходоносоръ.

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!
Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.
Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:
Слово—Божій даръ священный,
Разумъ—лучъ отъ Божества.
Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!
Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумиръ,
И у ногъ того кумира
Пировалъ безбожный пиръ.
Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродитъ нѣмъ губитель слова,
Траву щиплетъ врагъ ума!
Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый волъ,
Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходитъ злачный долъ...
Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?...
Но покайся, но смиренно
Полюби Его законъ,
Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,

И простить тебя Іегова
Отъ невидимыхъ оковъ:
Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царемъ
И земной вѣнецъ владыки
Освятитъ Своимъ вѣнцомъ.
Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Какою бодростью, какою непреклонною вѣрою въ гр щую свободу слова, свободу труда дышетъ это стихотв ніе въ начальныхъ и заключительныхъ его строкахъ:

Пойте други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Но въ чемъ же именно, по Хомякову, состоитъ при ніе нашей великой страны, нашего родного народа?

Мысль о призваніи Россіи и вѣра въ его осуществим выражены Хомяковымъ въ одномъ изъ задушевнѣйшихт стихотвореній, написанномъ въ 1835 году,—

Ключъ.

Сокрытъ въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстный,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщетъ въ жаркій день,
Копыто жаждущаго стада,
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь.
Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла.
И не скуютъ тебя морозы,
Тебя не ссушитъ лѣтній зной.
И льешь ты сребрянныя слезы
Неистощимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ,
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни, невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его святымъ.

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ,—
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй, и краше,
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.

Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите: мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимца неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины.
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

Итакъ, призваніе Россіи, по приведенному стихотворенію, это—-вмѣстить въ себѣ *Небо*, утолить духовную жажду народовъ, обогатить ихъ мысль, согрѣть и осіять весь міръ лучами *любви, святыни, тишины.*

По Хомякову, вся жизнь людей и народовъ опредѣляется ихъ *вѣрою*, которая пе есть дѣло одной только познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но—всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровенія. „Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится, и чувствуется вмѣстѣ; словомъ, она не одно познаніе, но познаніе и жизнь“.

Богословское міровоззрѣніе Хомякова, которое было и его вѣрою, въ глубочайшей своей сущности сводится:

1) къ апостольскому положенію: *„Богъ есть Любовь“*

и 2) къ литургическому возгласу: *„Возлюбимъ* другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы *Отца* и *Сына* и *Святаго Духа*, *Троицу единосущную* и нераздѣльную!“.

Живая и животворящая Истина, по Хомякову, не дается простой любознательности, одной только логической дѣятельности ума, но открывается въ мѣру запроса ищущей вразумленія совѣсти, одушевляемой любовью.

Данная же намъ Откровеніемъ и постигаемая любовнымъ единомысліемъ вѣрующихъ основная истина нашей вѣры—та, что *Богъ есть Любовь*, и этимъ съ необходимостью опредѣляется жизнь и, такъ сказать, внутреннее строеніе Самого Божества; ибо Любовь—начало живое, дѣятельное и личное,

требующее для своего удовлетворенія взаимности и отвѣта. Неслiянно и нераздѣльно объединяются въ *Любви Любящiй и Любимый.* Отсюда Личность и Трiединство Божества.

Исполненный дѣятельнаго, творческаго *Духа Любви,* Божественный Волящiй Разумъ и Сила—*Отецъ* рождаетъ изъ Себя Божественную Премудрость или *Творящее Слово—Сына,* изливая на Него изъ Божественнаго Своего Существа премудрую творческую и промыслительную Силу-*Любовь*—Божественнаго *Своего Духа.*

Итакъ, три суть Божественныя Лица или Vпостаси:

Божественный *Разумъ,* Божественная *Воля* и Божественная *Сила-Любовь;* но Сiи Три тожественны и суть Едино Божество: всесильный, любовно-волящiй Разумъ—Отецъ, всесильная разумно-любящая творческая Воля—Сынъ и всесильная, разумно-волящая Сила-Любовь — Духъ Святый. Каждая изъ этихъ трехъ Божественныхъ Vпостасей, или Лицъ, сохраняя Свою самостоятельность, едина по существу и тожественна по Своему дѣйствiю на сотворенный и промышляемый Богомъ мiръ съ остальными Двумя.

Такое соотношенiе Лицъ въ Божествѣ, неслитное и нераздѣльное, внутренняя ихъ *самостоятельность* и вмѣстѣ полное ихъ *согласiе,* или единство, можетъ быть названо *соборностью Божества.*

Трiедино и созданное Богомъ, по образу и подобiю Своему, существо человѣка: въ немъ тѣ же три отраженныя Божествомъ vпостаси: *разумъ, воля* и *чувство.* Но для того, чтобы эти три душевныя силы въ человѣкѣ не разошлись и тѣмъ не нарушилась его цѣлость,—необходимо, чтобы онѣ направлялись къ единству, связывались *Божественнымъ Духомъ Любви, Который приводитъ ихъ въ состоянiе соборности.*

Этотъ Духъ Любви и есть обѣщанный Сыномъ Божiимъ *Утѣшитель,* Котораго Онъ посылаетъ намъ отъ Отца и Который даетъ согласованность и миръ внутреннему мiру человѣка.

Тотъ же Духъ Любви, принятый людьми за руководящее начало въ ихъ взаимныхъ соотношенiяхъ, приводитъ ихъ къ признанiю въ каждомъ другомъ человѣкѣ его Богоподобной личности, т. е. его ничѣмъ извнѣ не ограниченной самостоятельности и свободы, и вмѣстѣ приводитъ ихъ всѣхъ къ

согласію, устанавливая между всѣми ими *единомысліе* и *единодушіе.*

Такой общественный строй, въ которомъ сохраняется неприкосновенной *свобода человѣческой личности,* добровольно склоняющейся подъ одно только иго, *иго любви,* есть отображеніе Божества, и этотъ строй можетъ быть названъ строемъ *соборнымъ.*

Итакъ: соборенъ въ существѣ Своемъ Тріединый Богъ, соборенъ былъ въ существѣ своемъ, до поврежденія грѣхомъ своей природы, созданный по образу и подобію Божію человѣкъ; и возстановленіе въ душѣ его нарушенной грѣхомъ соборности и мира было цѣлью сошествія на землю во плоти Сына Божія и ниспосланія Имъ Своимъ послѣдователямъ Отчаго Духа—Утѣшителя.

И вражда противъ христіанства сказывается именно въ усиліяхъ подмѣнить въ жизни человѣческой,—отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ,—эти единственно спасительныя исконныя начала,—христіанской свободы и братскаго единомыслія и единодушія, обнимаемыхъ понятіемъ соборности,—подмѣнить ихъ началомъ произвола,—личнаго или коллективнаго, но одинаково попирающаго и насилующаго человѣческую совѣсть, человѣческую душу, драгоцѣннѣе которой ничего нѣтъ въ мірѣ.

Начало христіанской свободы и единомыслія, по закону любви, т. е. начало соборности, положено апостолами и святоотеческими опредѣленіями закономъ устройства и дѣятельности высшаго изъ человѣческихъ союзовъ—христіанской церкви.

Церковь понимается Хомяковымъ, какъ духовный организмъ, *Тѣло Христово.* Сущность этого организма, какъ и всякаго другого, составляетъ его единство. „*Церковь,* говоритъ Хомяковъ, не въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вѣрующихъ, даже не въ видимомъ собраніи вѣрующихъ, но *въ духовной связи, ихъ объединяющей*". *Единство* въ Церкви достигается путемъ *свободнаго единенія ея членовъ по закону любви.* Непремѣннымъ условіемъ принадлежности къ Церкви служитъ вѣра во Іисуса Христа, какъ Спасителя міра, который есть единственная глава Церкви. Животворящую силу Церкви, какъ духовнаго организма, составляетъ *Духъ Божій,* живущій въ любовномъ единствѣ ея членовъ.

Дѣйствіе Духа Божія проявляется прежде всего въ спасающей благодати, которую Церковь сообщаетъ своимъ членамъ въ таинствахъ. Внѣшнимъ проявленіемъ жизненнаго общенія членовъ Церкви служитъ молитва, которая есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни; она глаголъ ея любви, *вѣчное дыханіе Духа Божія*. „Церковь есть откровеніе Св. Духа, даруемое взаимной любви христіанъ, той любви, которая возводитъ ихъ къ Отцу чрезъ Его воплощенное Слово, Господа нашего Іисуса".

Божественное *назначеніе Церкви* состоитъ не только въ томъ, чтобы *спасать души и совершенствовать* личныя бытія: оно состоитъ еще *и* въ томъ, чтобы *„блюсти истину откровенныхъ тайнъ* въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ чрезъ всѣ поколѣнія, *какъ свѣтъ, какъ мѣрило, какъ судъ"* (1406). *)

Переданныя Церкви на храненіе откровенныя истины она знаетъ живымъ непосредственнымъ знаніемъ, т.-к. ея знаніе не есть знаніе просто человѣческое, а знаніе Духа Божія, живущаго въ Церкви и говорящаго устами ея соборовъ, ея Богоизбранныхъ мужей. Своихъ истинъ Церковь не изслѣдуетъ и не доказываетъ: она только по мѣрѣ надобности свидѣтельствуетъ ихъ, предоставляя изслѣдованіе своимъ отдѣльнымъ членамъ. *Свобода изслѣдованія* есть непремѣнная принадлежность Церкви; но, предоставляя членамъ свободу изслѣдованія, Церковь удерживаетъ за собою право послѣдняго слова, и всякій ея членъ, вѣруя въ непогрѣшимость только одной Церкви, охотно отдаетъ на ея судъ плоды своего умственнаго труда, съ любовью подчиняясь ея приговору. Истины, преподанныя Церкви чрезъ Боговдохновенныхъ мужей, содержатся въ Св. Писаніи и неизмѣнно хранятся *въ Священномъ Преданіи*, которое есть сама жизнь Церкви. Единственнымъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ подлинности книгъ Св. Писанія служитъ установленный Церковью канонъ.

---

*) Цифры въ скобкахъ обозначаютъ ссылку: римская съ арабскимъ числомъ - на книгу и страницу Сочиненій А. С. Хомякова изданія 1900 г., а одно число изъ арабскихъ цифръ—на страницу сочиненія о Хомяковѣ В. З. Завитневича, который въ обѣихъ книгахъ ведетъ общій счетъ страницъ.

Канонъ устанавливаетъ Библію какъ Св. Писаніе, а канонъ неотдѣлимъ отъ Церкви, ибо онъ опирается единственно на довѣріе къ Церкви. „Библія не есть книга написанная, ибо то, что написано, есть только внѣшняя оболочка Библіи; *Библія есть книга мыслимая, книга, какъ разумѣваемое начало. Книга эта есть мысль общины (Церкви), ея внутренняя вѣра*". „*Библія есть писанная Церковь*, а *Церковь живая Библія*". Церковь знаетъ истину Слова Божія силою живущаго въ ней Св. Духа, Который говорилъ и устами Пророковъ, Евангелистовъ и Апостоловъ. Церковь свято чтитъ имена этихъ святыхъ мужей; но она чтитъ ихъ за то, что они „найдены были достойными приложить имена свои къ писаніямъ, *которыя Духъ Божій, выразившійся единодушнымъ голосомъ Церкви*, призналъ за Свои". Ясно, что *суть* не въ томъ или другомъ имени, которому приписываютъ то или другое писаніе, а *въ отношеніи Церкви къ содержанію этого писанія*. Если бы было доказано, что данное евангеліе или апостольское посланіе не принадлежитъ тому лицу, которому приписывалось, то подобное обстоятельство, смущая совѣсть раціоналистовъ, не имѣло бы значенія въ глазахъ членовъ Церкви: Церковь сказала бы: „это евангеліе, это посланіе отъ Меня", и оно продолжало бы съ прежнимъ авторитетомъ читаться. „Намъ, православнымъ христіанамъ, говоритъ Хомяковъ, дано видѣть въ Писаніи не мертвую букву, не внѣшній для насъ предметъ и не церковно-государственный документъ, а свидѣтельство и слово всей Церкви, иначе — наше собственное слово—на столько, на сколько мы отъ Церкви. Писаніе отъ насъ и потому не можетъ быть у насъ отнято" (1379—80).

Въ опредѣленіяхъ Вселенскихъ Соборовъ Церковь видитъ свой собственный голосъ или, что тоже,—голосъ Духа Божія, живущаго въ Церкви. Словомъ, *познаніе* Божественной *истины дано взаимной любви христіанъ* и не имѣетъ другаго блюстителя, кромѣ этой любви (1306).

Существеннѣйшій признакъ единой истинной Церкви это—ея соборность.

Одинакова была важность церковныхъ Соборовъ на Востокѣ и на Западѣ, но значеніе ихъ было различно. На Востокѣ они были только выраженіемъ общаго мнѣнія. Рѣшенія ихъ, кромѣ частныхъ положеній объ обрядѣ или порядкѣ

церковномъ, были изложеніемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. *Сознаніе всей общины*, принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и вѣрою, уже существующею, но до тѣхъ поръ неопредѣленною съ логическою ясностью, *доставляло Собору* всю его *силу и неоспоримость* для будущихъ вѣковъ. На Западѣ же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. *На Востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на Западѣ приговоромъ*" (481).

„На Востокѣ безпрестанно являлись новыя ученія, вступали въ борьбу съ древнимъ преданіемъ и вызывали его къ яснѣйшему выраженію своего еще невысказаннаго смысла. Споры рѣшались на величественныхъ соборахъ...; но величественнѣе самихъ соборовъ, часто возмущаемыхъ безчинствомъ низкихъ страстей (напр., собраніе во Ефесѣ, извѣстное подъ именемъ Ефесскаго разбоя) была жизнь мысли, безпрестанно и повсемѣстно высказывающаяся въ посланіяхъ, проповѣдяхъ, письмахъ или словесныхъ преніяхъ, въ пламенномъ участіи всѣхъ сословій, въ тонкостяхъ діалектики и въ громахъ краснорѣчія. Сами соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованія, живущія въ церковной общинѣ: они получали знаніе свое не отъ соборныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но *отъ согласія* отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на Соборѣ. И такъ, само право представительства, какъ и само право приговора, не имѣло никакой условной или государственной основы, но утверждалось единственно на свободѣ духовнаго единства, не закованной никакими постановленіями формальными. *Соборъ не власть, а голосъ*, и въ этомъ-то отсутствіи власти формальной исторія должна признать неприкосновенность его власти разумной" (476).

„Не насиліемъ,—говоритъ Хомяковъ,—посѣяно христіанство въ мірѣ; не насиліемъ, а побѣждая всякое насиліе возросло оно. Поэтому не насиліемъ должно быть охраняемо оно, и горе тѣмъ, которые хотятъ силу Христову защитить безсиліемъ человѣческаго орудія. Вѣра есть дѣло духовной

свободы и не терпитъ принужденія, вѣра же истинная побѣждаетъ міръ, а не проситъ меча мірского для торжества своего. Поэтому уважайте свободу совѣсти и вѣры, дабы никто не могъ оскорбить истину и говорить, что она боится лжи и не смѣетъ состязаться съ ложью оружіемъ мысли и слова. Ревнуйте къ чести Божіей не робостью и сомнѣніемъ въ ея могуществѣ, но смѣлостью и спокойною увѣренностью въ ея побѣдѣ“ (I,385).

Вѣра въ побѣдную силу *слова* прекрасно выражена Хомяковымъ въъ стихотвореніи

Давидъ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча.
Но, словомъ Божьимъ вдохновенный,
Онъ въ полѣ бралъ кремень простой,
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.
И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,
Не налагай на силу Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Сауловъ ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ,
Ея оружье—Божье Слово,
А Божье Слово—Божій громъ.

„Но,—продолжаетъ Хомяковъ,—ошибаются тѣ, кто думаетъ, что вѣра ограничивается простымъ исповѣданіемъ или обрядами, или даже прямыми отношеніями человѣка къ Богу. Нѣтъ, вѣра проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему; она есть высшее общественное начало, ибо само общество есть не что иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними“ (I,385).

Говоря о вѣрѣ, скажемъ объ отношеніи Хомякова къ церковному обряду. Самъ онъ свято соблюдалъ церковные

установленія и обряды, но онъ всего менѣе могъ быть названъ обрядовѣромъ. Вотъ что говоритъ онъ объ обрядахъ:

„Православный также горячо любитъ свой обрядъ, какъ самый страстный старообрядецъ, но эта любовь свѣтла и свободна. Православный также стремится къ созерцанію духовному, какъ молоканъ, но онъ не отрицаетъ обряда, и ему не нужно его отрицать, такъ какъ онъ никогда не былъ его рабомъ. Сквозь прозрачный покровъ обряда, видимо соединяющаго всѣхъ, онъ слышитъ, онъ чувствуетъ его духовный смыслъ, только облеченный, такъ сказать, во всецерковный образъ". (1397).

„Здоровое общество гражданское,—говоритъ Хомяковъ,—основано на понятіи его членовъ о *братствѣ, правдѣ, судѣ* и *милосердіи*, и эти понятія не могутъ быть одинаковыми при различныхъ вѣрахъ. Даже у христіанъ, кромѣ истинной православной Церкви, нѣтъ ни вполнѣ яснаго понятія, ни вполнѣ искренняго чувства братства. Это понятіе, это чувство воспитывается и крѣпнетъ только въ православіи. Не даромъ община и святость мірского приговора и безпрекословная покорность каждаго предъ единогласнымъ рѣшеніемъ братьевъ—сохранились только въ земляхъ православныхъ (I,385—6).

„Участь общества гражданскаго зависитъ,—говоритъ Хомяковъ,—отъ того, какой духовный законъ признается его членами и какъ высока нравственная область, изъ которой они черпаютъ уроки своей жизни въ отношеніи къ праву положительному. Такова причина, почему всѣ общества нехристіанскія, какъ бы ни были они грозны и могучи въ свое время, исчезаютъ передъ міромъ христіанскимъ, и почему въ самомъ христіанствѣ тѣмъ державамъ опредѣляется высшій удѣлъ, которыя полнѣе сохраняютъ его святой законъ (II,234—41).

„Каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и внутренняя его жизнь есть не что иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредѣляетъ судьбу государства, возвышая и укрѣп-

ляя присущею въ немъ истиною или убивая присущею въ немъ ложью“ (I. 38).

Истинная задача исторіи—уразумѣніе тѣхъ живыхъ началъ, которыя управляютъ жизнью народовъ.

Въ языческомъ Римѣ, государственность котораго унаслѣдовала затѣмъ и христіанская Византія, религія занимала чисто служебное положеніе. Это былъ обрядъ государственный, полезный, но вполнѣ условный, обязательный для гражданъ, но не имѣющій никакихъ внутреннихъ данныхъ для самобытнаго существованія или правъ на безусловное вѣрованіе.

„Вѣрованіе въ боговъ, есть мнѣніе полезное, ибо утверждаетъ клятвы, укрѣпляетъ договоры, пугаетъ преступниковъ, хранитъ неприкосновенность гражданскаго общества“. Таково сужденіе одного изъ выдающихся Римлянъ.

Такое же, въ сущности, отношеніе усвоено было вскорѣ и христіанскою, по имени, имперіей къ Церкви. Поэтому-то Христіанство и не принесло въ Римѣ и Византіи всѣхъ своихъ плодовъ.

„Его послѣдователи умножались быстро, но едва-ли еще не быстрѣе развратились. Теплая вѣра замѣнилась холодною привычкою или равнодушнымъ подражаніемъ чужому примѣру: и прежніе христіанскіе мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ-льстецовъ.“

„Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ, безъ согласія Церкви, мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала, какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ; такимъ образомъ освящалось извнѣ то, что въ себѣ внутренней святости не имѣло; *глубокія требованія Христіанства отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властью, и идея государства истинно-христіанскаго исчезла изъ сознанія,* изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ“ (475—9).

Потому именно Римская Имперія и не спаслась отъ гибели, что сама она, какъ государство, не приняла Христіанства: законы и общественная жизнь остались равнодушными къ перемѣнѣ исповѣданія. *Слово Евангельское* просвѣтило совѣсть человѣка, но *не коснулось совѣсти гражданина.*

Мысль Эллина, свободная и плодотворная въ другихъ областяхъ, въ области права (гражданскаго) рабски слѣдовала по путямъ, ей указаннымъ ея учителями—законовѣдами Рима. „Христіанство почти не проникало въ каменный капитолій юристовъ; тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества.

„Все уголовное право съ его страшными казнями, съ его свирѣпыми пытками, съ его безнравственными судами и разрядами преступленій, было наслѣдствомъ того же Рима, который себя опредѣлилъ еще прежде отдѣленія отъ него Восточной Имперіи. Тоже должно сказать о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ.

„Христіанство не могло разорвать этой сплошной сѣти злыхъ и противохристіанскихъ началъ. Оно удалилось въ душу человѣка; оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь общественную и произнося только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества: ибо самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ понятія Рима, не могли еще вполнѣ уразумѣть ни всей лжи римскаго общественнаго права, ни безконечно трудной задачи *общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ*...

„Единственнымъ убѣжищемъ для нихъ осталась тишина созерцательной жизни. Всякое свѣтлое начало старалось спасти себя въ уединеніи. Темнѣе становились города, просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный ѳиміамъ, между тѣмъ какъ *зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византійскую*". „Изъ сказаннаго ясно, что „хотя Христіанство жило въ Греціи, но Грецiя (какъ государственный организмъ) не жила Христіанствомъ... *Церковь, лишившись всякаго дѣйствія* и сохраняя только мертвую чистоту догмата, *утратила сознаніе своихъ живыхъ силъ* и *память о своей высокой цѣли*. Она продолжала скорбѣть съ человѣкомъ, утѣшать его, отстранять его отъ проходящаго міра, но *она уже не помнила, что ей поручено созидать зданіе всего человѣчества*". Такой порядокъ вещей для старой Римской Имперіи имѣлъ роковыя послѣдствія, но онъ остался злымъ наслѣдствомъ и для смѣнившихъ Римъ народовъ и государствъ новой Европы.

„Итакъ *Византіи* не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества, но ей *было дано великое дѣло уяснить вполнѣ христіанское ученіе*, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Сама Имперія падала все ниже и ниже..., но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей, хранилась до конца чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала. „Вотъ эта-то *чистота* и цѣльность просвѣтительнаго *начала*", *(а не формъ* самой жизни) и переданы были Византіей по наслѣдству Славянскому міру и на челѣ его стоящей нашей Руси. (563—9).

Чистота нравовъ мирнаго, младенчески простодушнаго земледѣльца славянина, семейно - *общинный* бытъ, основанный на хоровомъ началѣ, составляли прекрасную почву для насажденія началъ Христіанства.

Духъ Христіанства нашелъ себѣ въ нашей земской общинѣ готовый сосудъ; но онъ остался чуждъ дружинѣ, съ ея личною разрозненностью.—Разрозненность племенъ, разъединенность между княжескою дружиною и земщиною, построенными на разныхъ началахъ, недостатокъ опредѣленнаго сознанія,—вотъ причины недостаточнаго проявленія въ русской жизни свѣтлыхъ началъ православія и уклоненій отъ этихъ началъ въ жизни.

Высшіе представители просвѣщенія въ древней Россіи, не имѣя никакого другого примѣра, кромѣ Византіи, не могли дать настоящаго и сильнаго направленія смутному броженію разнородныхъ стихій... Кромѣ Византіи, въ сосѣдствѣ съ Русью были еще Западъ и кочевой Востокъ. Но тамъ она могла найти и, дѣйствительно, находила только уроки въ дикости и свирѣпости, которые къ несчастію не оставались безъ вліянія на чужеземный составъ или приливъ дружины. Вслѣдствіе этихъ причинъ право измѣнялось постоянно и постепенно грубѣло въ своихъ гражданскихъ и особенно уголовныхъ положеніяхъ. Явленія западной инквизиціи вкрадывались иногда въ общество, исповѣдующее кротость чистой вѣры, и законъ, нѣкогда дорожившій жизнью

человѣка, какъ святымъ даромъ Бога-Спасителя, принималъ все болѣе и болѣе въ свои постановленія страшныя пытки и кровавыя казни, которыми наполнены наши юридическіе памятники XVII в.

И вотъ, „когда всѣ обычаи старины, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены въ жертву для составленія плотнаго тѣла государства; когда люди, охраняемые вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а, такъ сказать, другъ подлѣ друга,—язва безнравственности общественной распространилась безмѣрно и всѣ худшія страсти человѣка развились на просторѣ: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ...

Но самымъ уродливымъ проявленіемъ этой печальной стороны нашей древней жизни должно признать „волчью голову Іоанна, иногда понимавшаго красоту, но никогда святость добра... въ мастерствѣ софизма не уступавшаго никакому византійцу, а въ кровожадности никакому татарину... людоѣда со своими подданными и низкаго труса предъ иноземцами“, словомъ „изверга цѣльнаго и, такъ сказать, художественнаго“ (III, 280—2).

„Но все это, говоритъ Завитневичъ, было въ дѣйствительной жизни, а не въ томъ идеалѣ, къ которому эта жизнь должна была стремиться, не въ томъ законѣ, которому она должна была подчиняться и по которому она должна была строиться. Полнота и *цѣльность* унаслѣдованнаго Русью отъ Византіи Христіанскаго закона, оставались неприкосновенными, въ этомъ законѣ не было раздвоенія, а, *„другихъ началъ никогда не признавала Русская Земля“*.

Такова причина, почему мы не можемъ удовлетворяться иноземнымъ, почему почти всѣ вопросы жизни и мысли требуютъ у насъ новаго, своего рѣшенія, почему мы не можемъ дома прилагать европейской мѣрки къ своимъ понятіямъ, даже въ вопросахъ второстепенныхъ.

„Задача, издревле намъ опредѣленная, не легка: историческая судьба налагаетъ трудъ по мѣрѣ почести. Путь нашъ долженъ былъ быть тяжелымъ. Легко размноженіе инфузорій и зоофитовъ: болѣзненно рожденіе человѣка. Но отрекаться отъ своей задачи мы не можемъ... Никакая низшая задача

не получитъ всенароднаго сознанія и не привлечетъ всенароднаго сочувствія, а безъ того успѣхъ невозможенъ... *Россіи надобно быть или самымъ нравственнымъ, т. е. самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ человѣческихъ обществъ, или ничѣмъ; но ей легче вовсе не быть, чѣмъ быть ничѣмъ*" (III, 335—7).

Идеалъ, конечно, никогда цѣликомъ не воплощается въ жизни, и чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ труднѣе его осуществленіе. „Но—горе, говоритъ Завитневичъ, тому народу, который, забывъ святость закона, несовершенства жизни возводитъ въ законъ!"

Какое же духовное начало призванъ осуществить своей жизнью русскій народъ?

На пространствѣ всей девятивѣковой сознательной жизни Русскаго народа мы видимъ во всѣхъ положительныхъ самобытныхъ ея явленіяхъ присутствіе тѣхъ же, сопутствующихъ одно другому и стройно сочетавающихся, образующихъ и творческихъ,—личнаго и соборнаго началъ. Хоровая русская пѣсня,—это пѣсня соборная, въ которой отдѣльные самостоятельные голоса и напѣвы стройно сливаются въ общемъ созвучіи. Образцовая русская семья—та, гдѣ царятъ совѣтъ и любовь, пожеланіемъ которыхъ привѣтствуютъ новобрачныхъ. Образцовый русскій способъ рѣшенія общественныхъ дѣлъ, это—рѣшеніе ихъ міромъ, при которомъ разноголосица свободныхъ мнѣній сводится къ единодушному рѣшенію взаимною любовью и желаніемъ общей пользы. Образцовый способъ землевладѣнія и хозяйства—общинный, гдѣ отдѣльные общинники свободно поступаются частью своихъ правъ въ пользу наростающихъ поколѣній. Образцовое по мысли и сердцу Русскаго Народа государственное устройство—такое, во главѣ котораго стоитъ свободный въ своихъ рѣшеніяхъ Государь, внимающій и уважающій соборный голосъ свободнаго въ выраженіи своихъ мнѣній Народа. Образцовое отношеніе русской власти къ подвластнымъ иноплеменникамъ и инородцамъ таково, что отъ нихъ требуется вѣрность общему отечеству—государству, а затѣмъ оставляется вольная воля сливаться съ господствующею народностью или жить своимъ обычаемъ и своими языками славить Бога. Наконецъ, сама наша православная Церковь—Церковь соборная, и неповрежденность ея свободы и соборности въ гла-

захъ Русскаго Народа есть необходимое условіе ея святости. *)

„Наша земля,—говоритъ Хомяковъ,—вѣритъ высшимъ началамъ; она вѣритъ человѣку и его совѣсти... Для Россіи возможна одна только задача: быть обществомъ, основаннымъ на самыхъ высшихъ нравственныхъ началахъ... Все, что благородно и возвышенно, все, что исполнено любви и сочувствія къ ближнему, все, что основывается на самоотверженіи и самопожертвованіи,—все это заключается въ одномъ словѣ: Христіанство. Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ... Эта цѣль ею сознана и высказана сначала: она высказывалась всегда, даже въ самыя дикія времена ея историческихъ смутъ. Если когда-нибудь позже и переставали ее выражать, внутренній духъ народа никогда не переставалъ ее сознавать. Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть, отчасти вслѣдствіе особаго душевнаго склада нашего племени, но, безъ сомнѣнія, оттого, что намъ, по милости Божіей, дано было Христіанство во всей его чистотѣ, въ его братолюбивой сущности“...

Но духъ Христіанства есть духъ любви; онъ живетъ тамъ, гдѣ есть общеніе душъ, проникнутыхъ взаимною любовью (III,335).

Въ основу построенія русскаго общества, съ принятіемъ Христіанства, положено было то же начало, какое лежитъ и въ основаніи устройства православной Церкви (свобода въ единствѣ по закону любви), т. е. *начало соборности.*

Отсюда могущественное воздѣйствіе Церкви на историческій ходъ нашей общественной и государственной жизни. „Слова лѣтописца: „Мы одинъ народъ, потому, что крещены въ одного Христа“,—были выраженіемъ всегдашняго и преобладающаго русскаго чувства“,—говоритъ Хомяковъ.

Церковь создала единство Русской Земли. Церковь возстановила это единство, нарушенное междоусобіями.

На примѣрѣ Рима и Византіи видѣли мы, какое гибельное и для вѣры, и для самого государства и всего граждан-

*) Аѳ. Васильевъ. Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенностяхъ Русскаго Народа.

скаго общества значеніе придаютъ Хомяковъ и другіе славянофилы неправильнымъ отношеніямъ государства къ вѣрѣ,— тому подчиненному, служебному положенію, въ которое государство ставило Церковь и самое вѣру. Но въ такія же отношенія къ мірской власти поставилъ или хотѣлъ поставить Русскую Церковь Петръ I, и неестественность того положенія, въ какомъ находится съ того времени наша Церковь, служитъ едва ли не главнѣйшею причиною все большихъ и большихъ отпаденій отъ Церкви и столь широко распространившагося въ образованномъ русскомъ обществѣ невѣрія.

Вотъ-что говоритъ объ этомъ предметѣ Юр. Ѳ. Самаринъ въ предисловіи къ книгѣ Богословскихъ сочиненій Хомякова (С. X. т. II):

„Когда пускается въ оборотъ мысль подъ явнымъ клеймомъ невѣрія, она возбуждаетъ въ совѣсти, если не противодѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую къ себѣ недовѣрчивость, какъ выраженіе нескрываемой вражды. Но когда оффиціальный консерватизмъ, подъ предлогомъ охраненія вѣры, мнетъ и душитъ ее въ своихъ безцеремонныхъ объятіяхъ, давая чувствовать всѣмъ и каждому, что онъ дорожитъ ею ради той службы, которую она несетъ для него— тогда очень естественно, что въ обществѣ зарождается мнѣніе, что такъ тому и слѣдуетъ быть, что иного отъ вѣры и ожидать нельзя, и что, дѣйствительно, таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ. Когда существующій порядокъ вещей весь цѣликомъ ставится подъ непосредственную охрану вѣры, когда ей, такъ сказать, навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что есть въ данную минуту, но чего не было вчера, и чего можетъ не быть завтра; тогда естественно всѣ самыя разумныя потребности, неудовлетворяемыя настоящимъ, всѣ самыя мирныя и скромныя надежды на лучшее, наконецъ, сама вѣра въ народную будущность, все это пріучается смотрѣть на вѣру, какъ на преграду, черезъ которую рано или поздно надо будетъ перешагнуть, и, мало по малу, склоняется къ невѣрію. Вѣра по существу своему не сговорчива и въ сдѣлки съ нею входить нельзя. Нельзя признавать ее условно, въ той мѣрѣ, въ какой она намъ нужна для нашихъ цѣлей, хотя бы и законныхъ. Вѣра воспитываетъ терпѣніе, самопожертвованіе и обуздываетъ личныя страсти — это такъ; но нельзя прибѣ-

гать къ ней только тогда, когда страсти разыгрываются, и только для того, чтобы кого нибудь урезонить, пристращать расправою на томъ свѣтѣ. Вѣра не палка, и въ рукахъ того, кто держитъ ее какъ палку, чтобы защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы... Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы, есть не что иное, какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть, опаснѣйшая изъ всѣхъ, по ея общепонятности".

Неправильность отношеній между государствомъ и Церковью въ Россіи является также однимъ изъ препятствій къ устраненію нашего русскаго церковнаго раскола, и едва ли не важнѣйшей съ нашей стороны преградою, на которую наталкиваются и которую не въ силахъ и не желаютъ переступить, и тѣ пламенныя и искренніи души изъ западныхъ инославныхъ христіанъ, которые признаютъ догматическую и историческую правоту нашей Церкви и искренно влекутся къ ней чувствомъ. Таковъ былъ именно магистръ Богословія и діаконъ англиканской, такъ называемой, „Высокой церкви"—Пальмеръ, ведшій долгую переписку съ Хомяковымъ о возсоединеніи своей церкви съ Православною, искренно этого желавшій и окончившій — переходомъ въ католичество. Въ сочиненіи, изданномъ Пальмеромъ въ Аѳинахъ, („Dissertations on subjects to the Orthodox or Estern Catholic Communion") мы находимъ такое объясненіе столь печальнаго съ нашей русской точки зрѣнія исхода благочестивыхъ стараній Пальмера найти себѣ успокоеніе въ лонѣ истинной Церкви. „Въ Русской Имперіи, говоритъ Пальмеръ, отношеніе духовной и гражданской власти въ настоящеее время таково, что оно непримиримо съ правильнымъ отправленіемъ апостольскаго служенія... Я не могу отрицать или скрывать недолжное преобладаніе государства, нынѣ къ Россіи существующее, и, еслибы я отнесся къ нему легко, какъ будто считая, что такая узурпація не имѣетъ существеннаго значенія для каѳолической вѣры и вліянія на дисциплину христіанскую, а что ее можно законно принять и подчиниться ей, я черезъ это только выставилъ бы себя въ глазахъ всего Запада за дурака и сумасшедшаго, ничѣмъ не оказывая услуги Восточной Церкви чрезъ мое къ ней присоединеніе и не имѣя ни малѣйшей надежды дать другимъ примѣръ, достойный подражанія. Такимъ образомъ эта

гора недолжнаго преобладанія государства стоитъ поперекъ моей дороги, я долженъ либо найти средство сдвинуть гору, что неособенно вѣроятно, или я долженъ свернуть самъ и избрать другой путь"...

„Я надѣюсь (что бы Провидѣніе ни готовило мнѣ, или какимъ бы путемъ ни вело), что я никогда не оставлю моихъ теперешнихъ чувствъ влеченія и уваженія ко всему доброму, какое я видѣлъ и позналъ въ Русской Церкви и народѣ. Характеръ Грековъ (хотя у нихъ есть нѣкоторыя удивительныя природныя дарованія) вовсе не привлекателенъ въ религіозномъ отношеніи, но въ Русскомъ есть очень много такого, что должно бы, кажется, привлечь къ нему всякую христіанскую душу. Несправедливыя и горькія предубѣжденія столь многихъ на Западѣ противъ того, что есть самаго чуднаго въ Русской Церкви и государствѣ, служатъ сильнымъ добавочнымъ поводомъ для всякаго, кто имѣлъ случай узнать оное, чтобы еще теплѣе сочувствовать тому, что такъ несправедливо обезцѣнивается и подвергается клеветѣ. Я душевно скорблю, что не все таково, какъ бы я желалъ; что Русская Церковь и духовенство не въ томъ положеніи справедливой свободы, какое они занимали до низложенія Никона, что государство и второстепенные органы и цензура печати не въ состояніи, кажется, или не хотятъ различать между разнузданностью и упорствомъ, происходящими изъ дурныхъ побужденій, и такою свободою обсужденія, которая здорова и ведетъ къ истиннымъ выгодамъ какъ вѣры, такъ и престола".

„Меня могутъ спросить, продолжаетъ Пальмеръ, почему не постараться смотрѣть на настоящія отношенія императорской и апостольской властей въ Россіи русскими очами— скорѣе, чѣмъ стараться смотрѣть римскими на Исхожденіе, папское главенство, и еще на четыре или пять вопросовъ? По той причинѣ, отвѣчаю я, что слабые или затруднительные пункты въ Русской Церкви касаются опредѣленія самой Каѳолической Церкви"... (1193—5).

„Каноны Вселенской Церкви требуютъ личнагс примаса (онъ, дѣйствительно, можетъ быть вспомоществуемъ Сѵнодомъ) въ каждой странѣ и у каждаго народа: и четыре патріарха Восточные имѣли также мало права и власти узаконять Сѵнодъ, или „коллегіумъ" Петра, какъ самъ Петръ его

учреждать. Затѣмъ епископы имѣютъ естественное право на такую же свободу дѣйствія въ собственныхъ духовныхъ сферахъ, какую каждый хозяинъ или свободный гражданинъ имѣетъ въ своей мірской сферѣ, и если свѣтская власть завѣдуетъ ихъ имуществомъ, назначаетъ, оплачиваетъ и смѣщаетъ ихъ слугъ и препятствуетъ имъ дѣлать что бы то ни было, иначе, какъ черезъ такихъ посредниковъ, и епископы этому подчиняются, то это уже нѣсколько болѣе, чѣмъ только случайная или временная фактическая угодливость. Допущеніе такого механизма въ постоянномъ строѣ Церкви есть косвенное допущеніе принципа, ниспровергающаго Апостольскую миссію и власть“ (1220).

По поводу только что приведенныхъ словъ изъ письма Пальмера Завитневичъ въ выноскѣ отъ себя замѣчаетъ: „Можно спорить о томъ, какая форма церковнаго управленія практически пригоднѣе: единоличная или коллективныя. Но отъ ссылки на каноны Вселенской Церкви, требующіе, будто бы, непремѣнно „личнаго примаса“, вѣетъ папизмомъ. Въ основѣ управленія Церковью лежитъ начало *соборное,* и поэтому доказывать, что коллегіальная форма правленія противорѣчитъ, якобы, духу Церкви, это значитъ — утверждать нелѣпицу“.

При всемъ уваженіи къ труду В. З. Завитневича, въ виду важности затронутаго имъ въ только что приведенномъ его замѣчаніи вопроса, должно сказать, что это его замѣчаніе противорѣчитъ всему содержанію и смыслу его труда. Такова сила укоренившихся предвзятыхъ мнѣній! Какъ это г. Завитневичъ не видитъ, что между коллективизмомъ и соборностью, или общинностью, и между коллегіальнымъ способомъ рѣшенія церковныхъ и иныхъ дѣлъ и соборнымъ, или мірскимъ, не только нѣтъ ничего общаго, но что они по духу прямо противоположны? Опредѣленія соборныя суть выраженіе и засвидѣтельствованіе истины, открывающейся единодушному къ ней стремленію, руководимому любовью. Коллегія даетъ только формальныя рѣшенія, основанныя на случайномъ большинствѣ голосовъ, попирая мнѣніе лицъ, оставшихся въ меньшинствѣ, и насилуя ихъ совѣсть.

Патріаршія Церкви на Востокѣ суть въ то же время Церкви соборныя, какъ была и наша древняя Русская Церковь, — пока соборность ея не была подмѣнена коллегіальностью.

Въ письмахъ къ Пальмеру Хомяковъ старался ослабить обвиненія, высказанныя тѣмъ противъ нашей Церкви; но, по справедливому замѣчанію г. Завитневича, логически трудно, а въ нравственномъ отношеніи невозможно было отстаивать ту дѣйствительность, защищать которую пришлось Хомякову. И въ письмахъ къ своимъ (В. В. Елагину) Хомяковъ называетъ приведенныя выше слова Пальмера „страшными“. А въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Пальмеру онъ восклицаетъ: „Дай Богъ, чтобы наши грѣхи и наше жестокосердіе не обратились въ пагубу и вамъ, и чтобы не пало на насъ двойное осужденіе: за собственную нашу неправду и за внушенное вамъ предубѣжденіе противъ самого Закона Божія!“ (1307).

Общинный духъ,—по ученію Хомякова и другихъ славянофиловъ,—составляетъ положительное начало нашей исторической жизни, которое, освященное христіанствомъ въ духѣ восточнаго православія, покоящагося на началѣ соборности, росло и развивалось, мѣняя въ своемъ историческомъ движеніи лишь внѣшній видъ, а не содержаніе.

„Семейство и родъ,—говоритъ Самаринъ,—представляютъ видъ общежитія, основаннаго на единствѣ кровномъ, городъ съ его областью—другой видъ, основанный на единствѣ областномъ и, позднѣе, епархіальномъ, наконецъ, единая, обнимающая всю Россію государственная община—послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства“. Всѣ они суть только ступени постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви,—потребности, сознанной каждымъ членомъ общины, какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его...

„На каждой ступени его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ рядомъ и необходимыхъ одно для другого: Вѣче родовое (напр., княжескіе сеймы) и родоначальникъ, вѣче городовое и князь, вѣче земское, или дума, и царь“. „Первое служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала, второе—личности“ (325—6).

„Окруженная врагами,—говоритъ Хомяковъ о Смутномъ времени на Руси,—разорванная внутри призракомъ угасшей

династіи, безъ царя и безъ правительства, старая Русь потому только и могла совершить свое великое дѣло, что она не отрекалась отъ вѣча, сходки, міра, общины, выборовъ, самопредставительства и прочихъ живыхъ своихъ силъ и живыхъ выраженій своей силы. Кто сдѣлалъ Минина выборнымъ всей Земли Русской? Пожарскаго военачальникомъ? Кто посылалъ грамоты городовыя и т. д. Кто, какъ не вѣче, или сходка, или міръ. Кто могъ это все строить? Обычай и исконная привычка къ жизни гражданской въ городахъ и селахъ" (III, 274).

„Повинуйтесь власти и укрѣпляйте ее,—говоритъ Хомяковъ,—дабы не впасть въ безначаліе и безсиліе, но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнѣнія, какъ словеснаго, такъ и письменнаго. Она созидаетъ силу духа, царство правды и жизнь разума въ народѣ. Безъ нея глохнутъ и умираютъ всѣ добрыя начала, какъ видно изъ опыта многихъ народовъ и отчасти изъ нашего собственнаго. Она нужна гражданамъ и, можетъ быть, еще болѣе нужна самой власти, которая безъ нея впадаетъ въ неисцѣлимую слѣпоту и готовитъ гибель самой себѣ" (I,405—6).

Скажемъ теперь объ отношеніи Хомякова и другихъ его единомышленниковъ къ самодержавной царской власти.

Будучи искренними сторонниками этой власти въ умозрѣніи и вѣрными ея слугами въ жизни, славянофилы, однако же, не смѣшивали вещей небесныхъ съ земными, и дѣла рукъ человѣческихъ съ Божественными началами. Поэтому и царскую власть, почитая наиболѣе отвѣчающей и міросозерцанію, и бытовымъ условіямъ жизни Русскаго народа, славянофилы не давали ей того высшаго освященія, какого требовали себѣ ассирійскіе владыки или римскіе императоры.

Старанія утвердить эту власть на Божественномъ основаніи, какъ непреложный догматъ церковный, свидѣтельствуютъ или о ревности не по разуму, или о грубомъ ласкательствѣ.

Вотъ что говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ статьѣ „Объ отношеніяхъ Церкви къ свободѣ", вошедшей въ VI т. его сочиненій, изд. 1887 г.

„Исторія всѣхъ христіанскихъ народовъ, событія совершающіяся на нашихъ глазахъ, аналогическіе выводы изъ вѣ-

кового опыта доказываютъ намъ, что политическія формы измѣняются и должны измѣняться, что въ жизни каждаго народа наступаетъ пора, когда участіе его въ собственной политической судьбѣ (всегда предполагаемое или подразумѣваемое) дѣлается явнымъ и гласнымъ, облекается въ опредѣленную форму, требуетъ себѣ признанія, какъ права, и что дальнѣйшій ходъ развитія ведетъ къ постепенному расширенію этого участія. Таковъ фактъ несомнѣнный, неотразимый и въ тоже время разумный фактъ, служащій выраженіемъ правильнаго прогресса. Безразсудно было бы это отрицать и одинаково безразсудно было бы забѣгать впередъ, требовать немедленнаго осуществленія на практикѣ необходимаго въ будущемъ и, очевидно, невозможнаго въ настоящемъ,—требовать на томъ только основаніи, что требованіе логически вѣрно и выражается въ формѣ правильнаго логическаго силлогизма.—Да, говорятъ вамъ, а поперекъ политическому прогрессу стоитъ Церковь. — Почему же? А потому, что Церковь опредѣляетъ государственную власть не какъ делегацію, а какъ прирожденное, свыше данное право, слѣдовательно, по ея понятіямъ, форма власти предустановлена и неизмѣнна по существу и всякое ограниченіе ея какимъ либо инымъ правомъ получило бы характеръ посягательства на Божественную заповѣдь.—Но гдѣ же доказательства?—А тексты, въ которыхъ говорится о царяхъ, именно о царяхъ; а проповѣди, привѣтствія, комплименты, произносимые съ амвона или на церковной паперти съ крестомъ въ рукѣ и въ полномъ облаченіи:—кажется, довольно?—Довольно, чтобы доказать напыщенность церковной риторики, часто безцеремонно обращающейся съ текстами, и, къ сожалѣнію, принявшей окраску ученія de jure divino, котораго никогда не допускала Церковь. Вы указываете на тексты; сперва вникните въ нихъ и поймите ихъ. Церковь говорила о царяхъ; да вспомните когда и съ кѣмъ она говорила. Могла ли она говорить о парламентахъ, сеймахъ, президентахъ и камерахъ, когда ни понятій этихъ не существовало, ни словъ для ихъ выраженія? Спаситель говоритъ, что кто хватается за ножъ, тотъ отъ ножа погибнетъ; значитъ ли это, что слово Его относилось именно къ холодному оружію и не примѣняется къ огнестрѣльному? Церковь говорила о царяхъ потому, что царская власть была въ то время единственною

формою государственной власти; но Церковь благословляла идею государства вообще, какъ народнаго общежитія подъ одною властью, и никогда не приковывала ее къ той или другой формѣ ея историческаго проявленія, за исключеніемъ другихъ, прошедшихъ или будущихъ. Къ этой формѣ, къ вопросу о томъ, какъ устроить, кому ввѣрить власть, Церковь равнодушна и также мало стѣсняетъ свободу политическаго развитія, какъ и развитія торговли или языка". (С. VI, 556—8).

„Въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ законахъ и пріемахъ правительства, словомъ, въ томъ, что обыкновенно подразумѣвается подъ существующимъ порядкомъ вещей, всегда и вездѣ есть мѣсто для частной критики и законнаго осужденія. Пока люди, подъ этимъ порядкомъ живущіе, дѣйствительно живутъ, развиваются и идутъ впередъ, лучшіе, передовые люди никогда не находятъ въ немъ полнаго удовлетворенія всѣхъ, разумѣется, разумныхъ своихъ потребностей; въ этомъ неудовлетвореніи и въ исканіи лучшаго—начало политическаго правильнаго прогресса. Вѣра, какъ выраженіе безусловнаго, вѣчнаго, не можетъ и не должна имѣть къ этой области никакихъ прямыхъ отношеній." (Пред. къ т. II, соч. X.)

Не иного взгляда на этотъ предметъ былъ и А. С. Хомяковъ.

Прошлое Россіи, и особенно примѣры великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха и впослѣдствіи царя Михаила Θеодоровича Романова — свидѣтельствуютъ, что источникомъ власти русскихъ государей была народная воля, выразившаяся въ призваніи и избраніи, и что самодержавіе Государя прекрасно можетъ уживаться съ церковною и гражданскою свободою Народа и съ самымъ широкимъ и полнымъ его самоуправленіемъ, и, слѣдовательно, смѣлыя утвержденія нѣкоторыхъ сановниковъ и публицистовъ, будто бы земское самоуправленіе несовмѣстимо съ самодержавіемъ, суть ничто иное, какъ неразумные или злобные навѣты и на самоуправленіе и на самодержавіе!

То же начало свободной общественности, соборности, которая не только совмѣщается съ свободою человѣческой личности, но на ней именно и зиждется (вопреки противо-

положнымъ и несовмѣстимымъ одно съ другимъ коллективизму и индивидуализму), по Хомякову, должно проходить и чрезъ всѣ государственныя, народныя и общественныя учрежденія.

„Важно не учрежденіе, какое бы оно ни было,—говоритъ Хомяковъ,—а важно начало, которое имъ вносится въ жизнь или имъ развивается въ жизни... важно то, какъ частное учрежденіе воздѣйствуетъ на всю цѣльность общественности“.

„Первымъ правиломъ всякаго гражданскаго общества должно быть признаніе человѣческой правды, какъ той цѣли, къ которой оно обязано стремиться

„Это признаніе, по необходимости, сопровождается вѣрою въ святость, обязательность и силу правды для всѣхъ членовъ общества“.

Въ этомъ видитъ Хомяковъ основаніе для суда совѣсти, т. е. суда присяжныхъ и суда третейскаго, не только въ уголовномъ производствѣ, но и для дѣлъ гражданскихъ.

„Дайте въ судѣ болѣе мѣста совѣсти, чѣмъ формѣ, и тогда судъ вашъ будетъ уважаться всѣми народами“.

Свобода суда присяжныхъ и третейскаго отъ стѣсненія буквою важнѣе всего. Въ этомъ судѣ „начало правды общей, человѣческой становится непремѣнно на первое мѣсто, а правда временная и условная уже становится въ отношенія служебныя къ ней“, законъ гражданскій есть показатель средней нравственной высоты общества; „но начала и возможность большей высоты всегда лежатъ въ самомъ обществѣ и легко достижимы для суда третейскаго, между тѣмъ какъ они недоступны (судамъ) формальнымъ“ (III, 330—5).

То же начало общественности, та же неформальная, а человѣческая правда должна управлять и хозяйственными отношеніями народа. Еще въ 1839 г. Хомяковъ и его единомышленники высказали, что славянское племя и по преимуществу русское отличается отъ всѣхъ другихъ особенностью своего общиннаго быта. Ту же мысль старались они постоянно проводить. Многимъ, — говоритъ Хомяковъ въ 1857 г.,—не нравилось это. „Сперва стали увѣрять, что теорія объ общинномъ бытѣ славянъ занята нами у нѣмцевъ. Потомъ явилась теорійка о томъ, будто бы у насъ община есть искусственное созданіе законодательства. Когда

же изъ области умозрѣнія новое историческое начало (т. е. вопросъ объ общинѣ) перешло въ область государственнаго хозяйства, изъ вопроса о прошедшемъ въ вопросъ о современномъ и будущемъ, то на это начало опять стали нападать... особенно съ точки зрѣнія финансовой".

„Нѣкоторые изъ этихъ противниковъ общиннаго владѣнія,—говоритъ Хомяковъ,—понимая его нравственную силу, вздумали противопоставлять ему собственность дробную и частную". Но при ней была бы огромная потеря земли на межи и дороги. „Сверхъ того уже одинъ водопой (необходимый для каждаго хозяина) дѣлаетъ такой раздѣлъ невозможнымъ; слѣдовательно, споръ остается только между общиною и арандаторствомъ въ довольно крупныхъ размѣрахъ.

„Итакъ противополагается:

„Сохраненіе исконнаго обычая, основаннаго на коренныхъ началахъ жизни и чувства, право всѣхъ на собственность поземельную и право каждаго на владѣніе, нравственная связь между людьми и нравственное, облагораживающее душу воспитаніе людей въ смыслѣ общественномъ, посредствомъ постояннаго упражненія въ судѣ и администраціи мірской, при полной гласности и правахъ совѣсти,—чему же?—нарушенію всѣхъ обычаевъ и чувствъ народныхъ, сосредоточенію собственности въ сравнительно немногихъ рукахъ и пролетаріату, или по крайней мѣрѣ, наемничеству всѣхъ остальныхъ, безсвязности народа и отсутствію всякаго общественно-нравственнаго воспитанія. Для кого рѣшеніе можетъ быть сомнительнымъ, съ тѣмъ мы не споримъ,—говоритъ Хомяковъ,—но съ нашей стороны мы не можемъ согласиться, чтобы въ то время, какъ Россія призвана стоять во главѣ образованныхъ и христіанскихъ обществъ, она стала прихвостнемъ низшихъ организацій. Да, разумѣется, этому не бывать. Богъ не безъ милости" (III, 288—90).

Еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Москвѣ, въ дружескихъ бесѣдахъ, душою которыхъ былъ А. С. Хомяковъ, въ числѣ другихъ политическихъ вопросовъ въ особенности обсуждался вопросъ о прекращеніи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей. Всѣ были согласны въ томъ, что крестьяне должны быть надѣлены землею, и что птичья свобода (т. е. безъ земли) была бы не добромъ,

а величайшимъ бѣдствіемъ, страшнымъ шагомъ назадъ. Хомяковъ и Кошелевъ крѣпко отстаивали полное освобожденіе посредствомъ одновременнаго обязательнаго выкупа. Впослѣдствіи Хомяковъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ крестьянскаго дѣла въ Губернскихъ Комитетахъ и Редакціонныхъ Коммиссіяхъ. Онъ вообще не одобрялъ дѣйствій тѣхъ и другихъ, находя, что первые руководились узкими сословными соображеніями, а вторые не обращали должнаго вниманія на требованія народнаго духа и быта. Особенно не одобрялъ Хомяковъ предположеній, касавшихся установленія переходнаго девятилѣтняго положенія для крестьянъ, устройства волостного суда и управленія, и тѣхъ статей, которыя, по его мнѣнію, подкапывали русскую общину и разлагали крестьянскій міръ (рѣшеніе большинствомъ голосовъ и т. п.). Это свое неодобреніе переходнаго состоянія и убѣжденіе въ необходимости рѣшить дѣло одновременнымъ обязательнымъ выкупомъ Хомяковъ ясно и рѣзко высказалъ въ письмѣ къ Я. И. Ростовцеву. „Какъ деревенскій житель съ измала, говоритъ Хомяковъ, въ этомъ письмѣ, я знаю всю гадость крѣпостного состоянія и всѣ его дурныя послѣдствія какъ въ нравственномъ, такъ и въ вещественномъ отношеніи и нетерпѣливо желаю его прекращенія... Для блага Россіи и для удовлетворенія требованіямъ христіанскаго человѣколюбія одинъ только возможенъ путь въ этомъ дѣлѣ, путь обязательнаго выкупа и самыхъ прямыхъ и откровенныхъ отношеній къ народу“. (VIII, 126—128 и I, 455 и сл.).

„Болѣе всего держитесь,—говоритъ Хомяковъ,—всякаго учрежденія и всякаго суда общиннаго. Въ немъ болѣе правды чѣмъ во всякомъ другомъ, да черезъ него и люди привыкаютъ искать добраго мнѣнія у братій своихъ. Гдѣ сходъ сельскій или городской рѣшаетъ дѣла, тамъ уже съ раннихъ лѣтъ воспитывается въ человѣкѣ здравое понятіе о законности и справедливости, развивается разумное сужденіе и уничтожается гибельное и весьма обыкновенное у многихъ народовъ равнодушіе къ общему дѣлу. Сходъ мірской есть для народа училище, которое выше всякаго книжнаго воспитанія и никакою книжною мудростію не замѣняется. Мірскими сходами были полны духъ и разумъ русскихъ крестьянъ, не смотря на рабство, въ которое заковалъ ихъ неправедный законъ“.

„Селянинъ,—по Хомякому,—долженъ быть не только вольнымъ наемщикомъ, выводящимъ плодъ изъ земли другихъ; онъ долженъ быть владѣльцемъ въ общественной собственности. Онъ долженъ быть не только вольнымъ труженикомъ въ вещественной работѣ братій своихъ; онъ долженъ еще быть и истиннымъ служителемъ въ духовномъ трудѣ общества по своей мѣрѣ—въ судѣ и управѣ своей общины. Такимъ образомъ святая сила слабыхъ ляжетъ нравственною основою непоколебимой силы всего гражданскаго союза и дастъ ему первое мѣсто между всѣми общественными организмами" (III, 336).

„Разрушьте,—говоритъ Хомяковъ,—эту живую органическую связь, и живое цѣлое (т. е. общество и само государство) обратилось въ прахъ и люди-пылинки стали чужды другъ другу и все ихъ стремленіе къ дѣйствію на другихъ людей остается безъ плода, покуда, по законамъ неисповѣдимаго Промысла, не осядутъ снова разрозненныя стихіи, не окрѣпнутъ, не смочатся дождями и росами небесными и не дадутъ начала новой органической жизни".

Полагая въ основу всѣхъ отношеній между людьми соборное, хоровое начало: свободы человѣческаго духа и христіанской любви, христіанскаго братства,—Хомяковъ и другіе неложные славянофилы не могли, конечно, сочувственно относиться ко всякаго рода общественнымъ и сословнымъ различіямъ и перегородкамъ.

„Есть между вами богатые и бѣдные, точно такъ же, какъ сильные и слабые, здоровые и немощные, умные и глупые; но что бы вы сказали о законѣ, по которому велѣно бы было такому-то быть богатымъ, а такому-то бѣднымъ, или такому-то быть сильнымъ, а такому-то быть слабымъ, или такому-то умнымъ, а такому-то глупымъ? Разуменъ ли былъ бы такой законъ и согласенъ-ли съ Христіанствомъ?"

„Счасливы вы,—говорилъ Хомяковъ въ посланіи къ Сербамъ,—передъ всѣми народами въ томъ, что всякій сербъ смотритъ на серба, какъ на брата, равнаго ему, и нѣтъ между вами высшаго или низшаго, кромѣ службы обществу, которая опредѣляетъ людямъ разные чины по разнымъ за-

слугамъ или потребностямъ государства. Сохраняйте это равенство, дорожите такимъ великимъ сокровищемъ. Не допускайте никакихъ законовъ, никакихъ обычаевъ, которые могли бы разрывать братство. Во всѣхъ другихъ земляхъ ввелось такое злое начало, что иной считается благороднымъ, иной низкимъ по крови... Изъ великой неправды возникло великое общественное зло: гордость мнимо-высшихъ, злоба и зависть мнимо-низшихъ и, слѣдовательно, раздоры и слабость общественная. Пусть это зло остается при тѣхъ, у которыхъ оно уже существуетъ и произошло изъ исторіи. Не прививайте себѣ болѣзни, отъ которой васъ Богъ избавилъ. Не забывайте примѣра Польши, вамъ единокровной. Тамъ немногія тысячи считали себя народомъ, а народъ считался стадомъ, едва достойнымъ имени человѣческаго, и вотъ, не смотря на свои ратные подвиги, на все свое мужество, на свою славу, государство Польское пало. Не забывайте этого урока. Пусть судія судитъ, и правитель управляетъ, и князь княжитъ, какъ нужно обществу; но внѣ своей должности да будетъ всякій сербъ нынѣ и всегда равенъ своимъ братьямъ.

„По истинѣ, та земля велика, въ которой нѣтъ ни нищеты у бѣдныхъ, ни роскоши у богатыхъ, и въ которой все просто и безъ блеска, кромѣ храма Божія. Такая страна, дѣйствительно, сильна: она угодна Богу и честна у людей.

„Всячески пекитесь,—говоритъ Хомяковъ,—объ образованіи и распространеніи знанія во всемъ народѣ. Старайтесь, чтобы оно могло быть доступно всѣмъ. Распространеніе всякаго знанія въ народѣ требуется не только пользою общественною, но и самою справедливостью, ибо существованіе богатыхъ и безъ того уже много имѣетъ преимущества передъ жизнію бѣдныхъ; справедливо ли, чтобы богатые одни удерживали у себя и это великое сокровище—знаніе. Любите и поощряйте науку не только ради прямой пользы, которую она приноситъ обществу и частнымъ людямъ въ жизни общественной, но гораздо болѣе ради того, что ею расширяется и укрѣпляется разумъ, великій Божій даръ“. (I, 386 и слѣд.)

Та же христіанская любовь требуетъ снисходительнаго, любовнаго, братскаго отношенія даже къ людямъ порочнымъ и преступнымъ.

„Будьте строги въ судѣ общественнаго мнѣнія: безъ этого не убережетесь отъ постепенной порчи нравовъ... Въ судѣ же законномъ и уголовномъ будьте милосерды; помните, что въ каждомъ преступленіи частномъ есть большая или меньшая вина общества.

„Всякое частное преступленіе и его наказаніе есть уже общее горе.

„Не казните преступника смертію, онъ уже не можетъ защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитнаго. Христіанину же грѣшно лишать человѣка возможности покаяться“.

Мысль о постыдности для общества примѣненія смертной казни прекрасно выражена Хомяковымъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной твоей удалою,—
И врагъ побѣжденный упалъ, подъ конемъ
Безсильный лежитъ предъ тобою.
Сойдешь ли съ коня? Поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По градамъ и селамъ пожары простеръ,
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани.
Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!

А если васъ много, убьете ли вы
Того, кто окованъ цѣпями,
Кто, стоптанный въ прахѣ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ.
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!

„Издавна у насъ, на Землѣ Русской, смертная казнь была отмѣнена и теперь она намъ всѣмъ противна .. Такое милосердіе есть слава православнаго Племени Славянскаго. Отъ татаръ да ученыхъ нѣмцевъ появилась у насъ жестокость въ наказаніяхъ“...

„Унизительно ремесло палача, посвящающаго жизнь свою совершенію казней надъ братьями; вездѣ онъ въ презрѣніи, какъ лицо безнравственное и унижающее человѣческую природу, но достойны ли уваженія тѣ общества, которыя сами создаютъ ремесло, унижающее человѣка, и потомъ презираютъ его за то, чему сами виноваты? Это или лицемѣріе, или фарисейская неправда. Устройте уголовные законы такъ, чтобы у васъ не было палача. Именемъ этого ремесла безчестятся законъ и общество, которымъ этотъ законъ управляетъ“ (I, 402—4).

Призваніе Россіи Хомяковъ видитъ въ томъ, что ей дано въ удѣлъ:

Хранить племенъ святое братство,
Любви зиждительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Какъ еще низко, однако, стоитъ современное намъ русское общество по своему настроенію и взглядамъ въ сравненіи съ настроеніемъ и взглядами Хомякова! И не толпа, а люди, философствующіе и богословствующіе, не стыдятся выступать съ проповѣдью человѣконенавистничества и человѣкоубійства! Убійства своихъ, кровныхъ! Требуютъ усиленія кары и безъ того язычески жестокаго закона; требуютъ отвѣта на личную обиду непремѣнно пулей или сабельнымъ ударомъ даже и тогда, когда обидчикъ безоруженъ и можетъ быть взятъ голыми руками. И это якобы для огражденія чести мундира, какъ будто бы люди, надѣвшіе мундиръ, присягнули служить уже не Христу, а Веліару!

Но, скажутъ намъ близорукіе или нехотящіе видѣть противники нашего направленія,—какъ могъ Хомяковъ говорить о святомъ братствѣ людей и племенъ, будучи въ тоже время

горячимъ поборникомъ начала народности, отстаивая племенныя особенности Русскаго Народа и Славянскаго Племени? Вѣдь начало племенное противорѣчитъ, будто-бы, началу общечеловѣческому и ведетъ не къ братству племенъ и народовъ, а къ международной враждѣ и племенной розни.

Странное недомысліе! Странное, особенно для нашихъ дней. Ибо еще полвѣка тому назадъ тотъ же Хомяковъ, а послѣ него Н. Я. Данилевскій превосходно разобрали и порѣшили этотъ вопросъ объ отношеніи общечеловѣческаго къ народному, неопровержимо доказавъ, что эти два понятія отнюдь не стоятъ въ противорѣчіи между собою, а напротивъ одно другимъ требуются.

„Общечеловѣческое такъ относится къ народному, какъ отвлеченное къ дѣйствительно существующему, живому. Общечеловѣческое начало для своего проявленія въ исторіи нуждается въ формахъ національныхъ".

„Служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому"...

„Чѣмъ болѣе человѣкъ становится слугою человѣческой истины, тѣмъ дороже ему его народъ. Тотъ, кто себя всего посвятилъ высочайшему изъ всѣхъ служеній, кто болѣе всѣхъ отвергъ отъ себя тѣсноту своего народа, сказалъ: „я хотѣлъ бы самъ лишиться Христа, только бы братья мои по крови къ Нему пришли". Никто не произносилъ никогда слова любви пламеннѣе этого слова!"

„Человѣкъ, воспитанный въ народности, растетъ и крѣпнетъ, разумно богатится всѣмъ богатствомъ человѣческаго мышленія, законно расширяетъ ея прежніе предѣлы, а иногда доходитъ до законнаго отрѣшенія отъ ея ненужныхъ случайностей".

„Гомеръ, Данте и Шекспиръ—чистѣйшіе представители своей народности.

„Чѣмъ человѣкъ полнѣе принадлежитъ своему народу, тѣмъ болѣе доступенъ онъ и дорогъ всему человѣчеству,—также какъ, чѣмъ крѣпче и опредѣленнѣе личность человѣка, тѣмъ болѣе обыкновенно внушаетъ онъ къ себѣ сочувствія.

Народность есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа.

„Общеевропейское, общечеловѣческое!... Но оно нигдѣ

не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живо, все народно".

„Безъ народности человѣкъ умственно беднѣе всѣхъ людей, и сверхъ того онъ мертвѣе всѣхъ людей".

„Знаніе дается только жизни, не отдѣляющей себя отъ народнаго быта со всѣми его прихотливыми особенностями",— жизни, а не ученой наблюдательности, ибо всякій живой народъ есть еще невысказанное слово".

„Ни одинъ изъ живыхъ народовъ не высказался вполнѣ. Его печатное слово, его пройденная исторія выражаютъ только часть его существа. Невысказанное, невыраженное таится въ глубинѣ его существа и доступно только ему самому и лицамъ, вполнѣ живущимъ его жизнію".

„Умъ человѣческій, даже самый обширный, крайне ограниченъ и не можетъ надѣяться на безусловное постиженіе общечеловѣческой истины".

„Всякая истина многостороння, и ни одному народу не дается ее осмотрѣть со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ истинамъ. Иная сторона или отношеніе иному народу не доступны по его умственнымъ способностямъ или не привлекаютъ его вниманія по его душевнымъ склонностямъ".

Общечеловѣческое дѣло раздѣлено не по лицамъ, а народамъ: каждому своя заслуга передъ всѣми, и частный человѣкъ только разрабатываетъ свою дѣлянку въ великой долѣ своего народа.

„Прекрасное—одно, но выраженіе его различно по условіямъ мѣста и времени. Точно тоже должно сказать и о наукѣ въ отношеніи къ истинѣ.

Наука „растетъ только на жизненномъ корнѣ живого человѣческаго общенія. Черезъ живую личность народа единственно дѣлается намъ доступнымъ человѣчество: ибо помимо ея человѣчество есть только идея отвлеченная или числительное скопленіе личностей". (Ш, 219—30).

Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія.

„Принадлежать народу, по Хомякову, значитъ съ полною и разумною волею сознавать и любить нравственный и духовный законъ, проявившійся (хотя, разумѣется, не сполна) въ его историческомъ развитіи".

т Именно—духовный законъ, т. е. вѣковѣчныя исконныя начала, выразившіяся въ народной жизни, а не историческую норму, въ которой они нашли себѣ, быть можетъ, очень несовершенное выраженіе, ибо форма есть только внѣшнее фроявленіе закона, хотя и ею пренебрегать нельзя. Нужно нолько помнить, что законъ вѣченъ, а форма можетъ совершенствоваться и измѣняться.

И въ исторіи, въ родной старинѣ мы должны отыскивать и брать изъ нея прежде всего ея живыя начала, а не отжившія формы.

„Сдѣлай одолженье, писалъ Хомяковъ одному пріятелю, отстрани всякую мысль о томъ, будто возвращеніе къ старинѣ сдѣлалось нашею мечтою. Одно дѣло: совѣтовать чтобы корней не отрубать отъ дерева и чтобы залѣчить неосторожно сдѣланные надрубы, и другое дѣло: совѣтовать оставить только корни и, такъ сказать, снова вколотить дерево въ землю. Исторія свѣтитъ назадъ, а не впередъ, говоришь ты, но путь пройденный долженъ опредѣлить и будущее направленіе. Если сбились съ дороги, первая задача—воротиться на дорогу".

Итакъ, воротиться на дорогу, это значитъ возвратиться не къ старымъ омертвѣвшимъ формамъ, а къ тому духу, который создалъ эти формы и который у насъ вытравленъ во времена нашей погони за иноземщиной.

Но и формами пренебрегать не слѣдуетъ.

Вѣдь образованнымъ (культурнымъ) собственно только и можно назвать такой народъ, который высокимъ началамъ человѣческаго духа сумѣлъ дать возможно полное выраженіе въ созданныхъ имъ самимъ образахъ или формахъ.

Истинное „просвѣщеніе не есть только сводъ и собраніе положительныхъ знаній; оно глубже и шире такого тѣснаго опредѣленія. Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтленіе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или народѣ. Оно можетъ соединяться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанія; наука же (одностороннее его развитіе) безсильна и ничтожна

безъ него. Нѣкогда было оно у насъ, не смотря на нашу бѣдность въ наукообразномъ развитіи, и отъ него остались великіе, но слишкомъ мало замѣченные слѣды".

„Разумное просвѣщеніе духа человѣческаго есть тотъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знаніе и такъ называемая цивилизація, или образованность; оно есть сама жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ. Наука не заключаетъ въ себѣ живыхъ началъ образованности. Нерѣдко случается намъ видѣть многостороннихъ ученыхъ, которыхъ однакоже нельзя назвать образованными людьми. Наука можетъ разниться степенями своими по состояніямъ, по богатству, по досугамъ и по другимъ случайностямъ жизни, просвѣщеніе есть общее достояніе и сила цѣлаго общества и цѣлаго народа. Этою силою отстоялся русскій человѣкъ отъ многихъ бѣдъ въ прошедшемъ и этою силою будетъ крѣпокъ онъ въ будущемъ." (I, 26—27).

Данныя въ удѣлъ тому или другому народу просвѣтительныя начала—вѣчны, и горе народу, который имъ измѣняетъ!

Что касается обычаевъ и формъ, въ которые эти начала отливаются, то они временны и перемѣнчивы.

„Только внутреннее убѣжденіе и чувство могутъ охранять обычай, который истекаетъ изъ внутренней жизни. Мы знаемъ, что обычаи не могутъ оставаться навсегда неизмѣнными и что требованія жизни мало по малу измѣняютъ или принаравливаютъ ихъ согласно измѣненіямъ самой жизни. Внутреннее чувство народа само служитъ мѣриломъ для законности и необходимости этихъ постепенныхъ измѣнеий".

„Повидимому весь обычай состоитъ изъ мелочей, но онъ не мелочь. Что бы могло быть, напримѣръ, важнаго въ одеждѣ? Не все ли равно, какъ человѣкъ одѣтъ, и какъ сшиты лоскуты, которыми онъ прикрывается? Вѣдь это вещь вовсе мертвая и неспособная дѣйствовать на жизнь?

Не вѣрьте этимъ толкамъ, говоритъ Хомяковъ: „таково благородство души человѣческой, что и мертвое получаетъ отъ нея живое значеніе и въ свою очередь дѣйствуетъ на жизнь. Измѣненіе одежды народной и предпочтеніе одежды

западной происходятъ изъ злого источника, отъ презрѣнія къ своему и раболѣпства передъ чужимъ.

„Вдумайтесь безпристрастно въ причину этого подражанія и вы убѣдитесь, что оно происходитъ отъ душевнаго холопства передъ мнимо высшими; а гдѣ замѣшалось холопство, тамъ душа теряетъ чистоту и благородство. Одежда народная есть свободный обычай народа, измѣненіе ея ради удобства можетъ отчасти показать нѣкоторую свободу и даже разумность человѣка, (ибо и самый обычай такъ созидался); но подражаніе западному наряду есть ничто иное, какъ признанное холопство передъ вкусомъ мнимо высшаго общества. Пусть тѣ, которымъ нравится такое признаніе, пользуются уваженіемъ, которое они заслуживаютъ, а именно тѣмъ самымъ, которое человѣкъ оказываетъ обезьянѣ“.

Особенно слѣдуетъ беречь свой родной языкъ. „Вѣдь человѣкъ думаетъ словомъ“ а „слово не въ лексиконѣ одномъ“ (который тоже у насъ оскудѣлъ) и не въ грамматикѣ (которая, впрочемъ, у насъ построена, Богъ вѣсть, какъ и для какого языка), оно—въ самомъ отношеніи мысли и чувства къ звукамъ, служащимъ выраженіемъ для нихъ.“

Слѣдуетъ избѣгать наводненія родной рѣчи иноземными словами. Въ наплывѣ иноземныхъ звуковъ „заключается прямой и страшный вредъ, котораго послѣдствія трудно исчислить. Начало его—умственная лѣнь и пренебреженіе къ своему собственному языку; послѣдствія же его—*оскуденіе самого языка, т. е. самой мысли народной, которая съ языкомъ нераздѣльна,* гибельная примѣсь жизни чужой и часто разрушеніе самыхъ священныхъ началъ народнаго быта“. Обогащайте умъ знаніемъ языковъ, но у себя не допускайте чужеязычія. Пусть... добровольный чужеязычникъ пользуется только тѣмъ уваженіемъ, которое подобаетъ попугаю“ (I, 395—6).

Уваженіе къ народному обычаю и обряду необходимо вытекаетъ изъ обязательнаго для всѣхъ и каждаго уваженія къ человѣческой и народной личности. Въ замѣчаніяхъ на статью историка С. М. Соловьева. „Шлецеръ и антиисторическое направленіе“ Хомяковъ говоритъ:

„Соловьевъ не видитъ, что обрядъ и обычай есть собственность человѣка и народа точно также, какъ привычки самого г. Соловьева, какъ его платье, или право на выборъ

кушаній для его стола; онъ не видитъ, что это право нравственной собственности въ народѣ столько же священно для непросвѣщеннаго человѣка, какъ и для просвѣщеннаго, и не можетъ быть нарушено безъ волненія или, по крайней мѣрѣ, безъ справедливаго негодованія“ (III, 272).

Изъ признанія за каждымъ человѣкомъ и народомъ не только права, но и обязанности—хранить неприкосновенность своей человѣческой и народной личности, своихъ просвѣтительныхъ началъ, своего языка, обычая и нрава,—вытекаетъ признаніе за каждымъ человѣкомъ и каждымъ племенемъ и народомъ ихъ гражданской, и племенной, и народной свободы и, слѣдовательно, признаніе права защищать эту свободу и отвоевывать ее, если она кѣмъ бы то ни было нарушена и отнята.

Порабощеніе человѣка человѣкомъ, или народа народомъ пагубно для обѣихъ сторонъ.

„Народъ порабощенный впитываетъ въ себя много злыхъ началъ: душа падаетъ подъ тяжестью оковъ, связывающихъ тѣло, и не можетъ уже развивать мысли истинно человѣческой. Но господство еще худшій наставникъ, чѣмъ рабство, и глубокій развратъ побѣдителей мститъ за несчастіе побѣжденныхъ“ (V, 130).

Слѣдовательно, долгъ братской любви и благоволенія къ другимъ людямъ и народамъ долженъ сказываться не въ безразличіи къ добру и злу, не въ одинаковомъ отношеніи къ поработителямъ и порабощеннымъ, а въ дѣятельной помощи угнетенныхъ противъ угнетателей.

Обязанность сильнаго помочь угнетенному слабому вернуть нарушенную другимъ сильнымъ свободу—усугубляется для Россіи по отношенію къ славянамъ племеннымъ и духовнымъ родствомъ съ нами нашихъ славянскихъ братій, угнетенныхъ иноплеменниками и иновѣрцами, и особенною наглостью и звѣрствомъ угнетателей.

Еще въ 1832 г. въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи *Орелъ* Хомяковъ напоминаетъ Русскому Народу о его обязанностяхъ по отношенію къ подавленнымъ братьямъ:

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ Орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ.
Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись;
Ихъ много тамъ, гдѣ брегъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья,—
Когда же зовъ услышать твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой...
О, вспомни ихъ, Орелъ полночи!
Пошли имъ громкій свой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй.
Ихъ часъ придетъ: окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ Орлы,—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

Конечно, А. С. Хомякову было дорого величіе и счастіе о родины Россіи, но ему была дорога и ея честь, и при омъ случайныя политическія границы не заслоняли отъ о взоровъ того края Земли Русской, который отрѣзанъ ими границами: гдѣ народъ русскій, тамъ и земля—рус-ая, и мысль о свободѣ и славѣ *цѣлой* Русской Земли

постоянно соединялась у него съ мыслью о свободѣ всѣхъ славянскихъ народовъ.

Злополучной Зарубежной Руси посвящено Хомяковымъ стихотвореніе

Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?
—«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей».
—«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей».
—«Край мой—теплый брегъ Евксина».
—«Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ».
—«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная».
—«Мнѣ отчизна старый Псковъ».
—«Я отъ Ладоги холодной»,
—«Я отъ синихъ волнъ Невы»,
—«Я отъ Камы многоводной»,
—«Я отъ матушки-Москвы».
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,

Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца Вѣчнаго Востокъ.
И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ,
Полкъ молящихся дѣтей,—
Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ-жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?
Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры!
Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ:
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.
Пробудися, Кіевъ, снова,
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.
И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,
Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.
И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой.

Въ только что прочитанномъ стихотвореніи упоминается польскихъ пирахъ и кострахъ, загубившихъ и обездолиихъ надолго нашу Западную Русь. Но Хомяковъ не считъ полезнымъ дѣломъ растравлять эту славянскую рану,

и призваніе Россіи по отношенію къ Западному, не устоявшему въ вѣрности православнымъ преданіямъ Славянству Хомяковъ видѣлъ не въ отмщеніи ему, а въ освобожденіи его политическомъ и духовномъ. И западнымъ нашимъ братьямъ въ будущей свободной семьѣ славянскихъ народовъ Хомяковъ отводитъ равночестное съ остальными братьями мѣсто.

Въ написанномъ въ 1831 г. стихотвореніи *Ода*—на польскій мятежъ—Хомяковъ говоритъ:

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ.
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!
Да будутъ прокляты преданья
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!
И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ—сѣвернымъ Орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!..

Политическое освобожденіе и объединеніе угнетеннаго и разрозненнаго Славянства, съ сохраненіемъ самостоятельности отдѣльныхъ его частей, должно быть достигнуто соединенными усиліями самихъ угнетенныхъ народностей, при

нравственномъ, вещественномъ и военномъ заступничествѣ и руководствѣ Россіи.

Тутъ не должно быть мѣста старымъ счетамъ и превознесенію однихъ братьевъ надъ другими, сильныхъ надъ слабыми.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!
Вспомнимъ—мы родные братья,
Дѣти матери одной;
Братьямъ братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой
Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!
Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!
Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный:
Братья станутъ заодно.
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ—побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

Хомяковъ предвидитъ, что рѣшеніе такъ называемаго Восточнаго вопроса, т. е. освобожденіе западныхъ и южныхъ нашихъ братьевъ, потребуетъ отъ насъ тяжелыхъ усилій и не совершится безъ кровавой міровой борьбы, которую онъ называетъ *Божьимъ Судомъ:*

Гласъ Божій: „Сбирайтесь на праведный судъ!
„Сбирайтесь къ Востоку народы".
И, слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,

Спѣшатъ черезъ бурныя воды.
Спѣшатъ и, кровавый предчувствуя споръ,
Смятенья, волненія полны,
Сбираются,—грозный, гремящій соборъ,—
На Черное море, на синій Босфоръ.
И ропщутъ, и пѣнятся волны.
Чреваты громами, крылаты огнемъ,
Несутся суда—и надъ ними:
Двуглавый орелъ съ одноглавымъ орломъ,
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ,
И флагъ подъ звѣздами ночными.
Гласъ Божій: „Сбирайтесь изъ дальнихъ сторонъ.
„Великое время приспѣло
„Для тризны кровавой, большихъ похоронъ:
„Мой судъ совершится, Мой часъ положенъ,—
„Въ сраженья бросайтесь смѣло!
„За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ,
За гордость Царьграда слѣпую—
„Отману Я далъ сокрушительный млатъ,
„Громовыя стрѣлы и острый булатъ,
„И силу коварную, злую.
„Грозою для міра былъ страшный боецъ,
„Былъ карой восточному краю.
„Но слышу я стоны смиренныхъ сердецъ,—
„Ломаю престолъ и срываю вѣнецъ,
И бичъ вѣковой сокрушаю“.
Народы собрались изъ дальнихъ сторонъ.
Волнуются берегъ и море.
Безумной борьбою весь міръ потрясенъ,
И стонъ надъ землею, и на морѣ стонъ,
И плачъ, и кровавое горе.
Твой судъ совершится въ огнѣ и крови.
Свершатъ его слѣпо народы...
О Боже, прости ихъ и всѣхъ призови,
Исполни ихъ вѣры и братской любви,
Согрѣй ихъ дыханьемъ свободы!

Высшею ступенью духовнаго объединенія Славянскаго Міра должно быть церковное его единство. Но возсоединеніе славянъ съ нами въ одной истинной Церкви должно со-

